

Н. Н. РОЗОВ

Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века

Повесть о новгородском белом клобуке уже давно была известна историкам и исследователям русской литературы. О ней упоминали в своих работах Евг. Болховитинов,¹ Н. М. Карамзин,² Ф. И. Буслаев,³ А. Н. Пыпин,⁴ А. И. Соболевский⁵ и многие другие историки и литературоведы прошлого столетия. Н. И. Костомаров издал в 1860 году один из списков Повести.⁶ Это произведение вошло во все курсы и хрестоматии по древнерусской литературе, вплоть до современных.

Такой известностью Повесть о белом клобуке обязана прежде всего огромному количеству дошедших до нас ее списков.

Однако рукописное наследство Повести о белом клобуке до сих пор не было никем изучено и о ней не написано ни одного специального исследования. Это можно объяснить только тем, что на Повесть давно и прочно установился взгляд как на произведение антмосковское, децентралистическое, притом заимствованное, компилятивное и позднее окончательно оформившееся лишь в старообрядческой литературе конца XVII века.⁷ Все это, естественно, поставило Повесть о белом клобуке вне интересов как дореволюционных, так и в особенности советских ученых, хотя среди последних это произведение нашло более внимательных и непредубежденных исследователей, по-новому оценивших его идейно-политическое содержание.

¹ Евг. Болховитинов. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, стр. 34—40; он же. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. I. СПб., 1827, стр. 115.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1819, Примеч. № 360.

³ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 274.

⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. СПб., 1902, стр. 342.

⁵ А. И. Соболевский. Западное влияние на литературу древней Руси. Вестник археологии и истории, № 11, 1899, стр. 9; он же. Рецензия на книгу В. Н. Малинина „Старец Елеозарова монастыря Филофей и его послания“. ЖМНП, № 12, 1901.

⁶ Памятники старинной русской литературы, вып. 1. СПб., 1860, стр. 287—300. — Это издание было перепечатано Д. Е. Кожанчиковым (Повесть о новгородском белом клобуке и Сказание о хранительном былии, мерзком зелии, еже есть табаце. СПб., 1861).

⁷ Такое мнение высказал известный и авторитетный в свое время историк раскола Н. И. Субботин (Рецензия на брошюру Кожанчикова. Русский вестник, № 5, 1862).

Советские историки и литературоведы увидели в Повести о новгородском белом клобуке не „раскольничью сказку“ (так определял ее Карамзин), не просто русский вариант известной средневековой западноевропейской фальшивки — Псевдоконстантиновой грамоты,¹ а прежде всего произведение, отразившее в себе ряд проблем, связанных с образованием на грани XV и XVI веков централизованного Русского государства.

Акад. А. С. Орлов считал, например, что Повесть о белом клобуке „выражала идею церковной независимости России от греческой метрополии“.²

Н. К. Гудзий, сравнивая Повесть с повестями о Вавилоне и со Сказанием о князьях Владимирских, считает, что она „исходила из тех же тенденциозных предпосылок“.³ Все это дало основание А. С. Орлову, Н. К. Гудзю, а вслед за ними и другим советским исследователям, датировать Повесть о белом клобуке концом XV или началом XVI века.

Литература и публицистика конца XV—начала XVI века — времени образования единого Русского государства, особенно литература областных феодальных центров, — привлекает в последнее время пристальное внимание советских историков и литературоведов. Советские ученые ищут и находят общерусские, центростремительные тенденции в памятниках литературы Тверского княжества, Новгорода, Пскова, что было отражением дум и чаяний широких народных масс, социальных низов упомянутых феодальных „полугосударств“, противостоящих старой феодальной знати. Если последняя всячески, любой ценой, вплоть до сговора с иноземными феодалами, старалась задержать и дезорганизовать процесс объединения Руси, то основная масса населения как названных, так и других русских княжеств с надеждой смотрела на великого князя московского, видела в нем представителя „порядка в беспорядке“, ждала от него, чтобы „был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война“.⁴ Наиболее ярким примером подобной внутривосточной ситуации является Новгород второй половины XV века.

Один из старейших русских городов, крупнейший торговый и культурный центр средневековой Европы, Новгород являл собой в это время картину упадка и заката своей былой славы. Классовая борьба, бушевавшая в Новгороде, до предела обострила социальный антагонизм, дезорганизовала всю внутреннюю жизнь города. По свидетельству летописи, „в то время не бе в Новгороде правде и правого суда и возстаха ябедницы, изнарядиша четы и обеты и целования на неправду и начаша грабити по селом и по волостем и по городу... и бе по волости изъезжа велика и боры частые, кричь и рыдания и вопль и клятва всеми людьми на старейшины наша и на град наш“.⁵

¹ Таковой считали ее почти все дореволюционные ученые, начиная с Н. И. Петрова (О судьбе вена Константина Великого в русской церкви. Труды Киевской духовной академии, 1865, декабрь, стр. 471—491) и кончая А. Д. Седельниковым (Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в. Доклады Академии Наук СССР, № 1, 1929, стр. 16—19).

² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1939, стр. 172.

³ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 2-е, М., 1941, стр. 266.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 443, 445.

⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 124.

Новгородское вече, являвшееся в это время в полном смысле слова фикцией народоправства, служило ареной столкновения двух антагонистических классов — старого феодального боярства, с одной стороны, купечества и ремесленников — с другой. „И бысть в Новегороди молва велика и мятеж мног... и разделишася людие: иinei хотяху за князя, а иinei за короля за литовского“,¹ — так характеризует летописец внутривосточное положение Новгорода во время походов Ивана III. Поддержка новгородскими социальными низами объединительной политики великого князя Московского облегчила и ускорила процесс присоединения Новгорода к Москве.

В решившей судьбу Новгорода битве при Шелони не только основная масса огромного новгородского ополчения, которую составляли „купци и житии людие, мастыри всякие — спроста рещи — плотници и горчары“, не дерзнула „поднять руку против великого князя“,² но и „владычнй полк“ — гвардия новгородского архиепископа — не осмелился выступить против общерусской рати Ивана III. И если боярская верхушка Новгорода еще долго, почти до самого конца XVI века, была питательной средой для сепаратистских настроений, то народные массы Новгорода, как и других феодальных центров, сразу и навсегда стали на сторону сильной централизованной великокняжеской власти и никогда после этого ни новгородскому боярству, ни другим антипатриотическим, децентралистическим элементам не удавалось поднять их против Москвы.

Борьба двух антагонистических социальных группировок нашла свое яркое отражение в новгородской литературе второй половины XV века, обусловив появление в ней двух направлений, что сказалось даже в официальной новгородской письменности. Если до этого книжная деятельность архиепископского двора была направлена на обоснование и укрепление антимосковских, областнических тенденций и знаменитому писателю-агиографу Пахомию Сербу заказывались службы и жития местных святых, прославившихся своей борьбой за самостоятельность Новгорода, то теперь тот же Пахомий обрабатывает жития новгородских святых с явно промосковской тенденцией, называя князя Василия Васильевича „великим князем володимирским, московским, новгородским и всея Руси“, а Новгород — его „вотчиной“. Иную трактовку получают также и древние новгородские легенды и предания; не любованием новгородской стариной, не оплакиванием ее, а издевкой над новгородским самоуправлением и его выборной администрацией являются легенды о „перуновой палице“, „варяжской божнице“ и „Повесть о посаднике Щиле“. Наконец в явно промосковском духе перерабатывается житие новгородского святого Михаила Клопского.

К какому же из этих направлений следует отнести Повесть о новгородском белом клобуке, построенную на местном новгородском легендарном и агиографическом материале?

Ответить на этот вопрос можно лишь только после тщательного анализа идейно-политического содержания этого произведения с учетом всего богатства и разнообразия его рукописного наследства.

Автором настоящей статьи было обследовано свыше 250 списков Повести о белом клобуке в книгохранилищах Ленинграда (Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии Наук СССР, Архив Института истории Академии Наук СССР),

¹ ПСРА, т. IV, стр. 128.

² Там же, т. XXV, стр. 289.

Москвы (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственный Исторический музей), Киева, Ростова, Калинин, Новгорода, Пскова, Петрозаводска.¹

В процессе работы были обнаружены две новых неизвестных до сих пор редакции Повести, а также Написание архиепископа Геннадия и его Устав, имеющие непосредственное отношение к Повести, и множество вариантов всех редакций.

В полном и окончательном своем виде Повесть о белом клобуке представляется нам сочетанием трех самостоятельных произведений: Посыльной грамоты Дмитрия грека Толмача, собственно Повести и Написания епископа Геннадия.

Первые два — хорошо известны: они вошли в публикации Костомарова и Кожанчикова, их обычно пересказывают в учебниках и публикуют в хрестоматиях по древнерусской литературе. Третье — Написание архиепископа Геннадия — до сих пор не привлекало внимание исследователей;² вероятно просто потому, что опубликованный список Повести о белом клобуке не имел при себе Написания.

Этот интересный эпилог Повести о белом клобуке, являющийся в то же время и самостоятельным литературным произведением, встречается в двадцати девяти из известных нам списков Повести, причем в одиннадцати списках имеется лишь начало его — один и тот же кусок, обрывающийся на полуфразе.³ В двенадцати списках Написание приведено полностью, а в шести заканчивается (иногда просто обрывается) в различных местах.

В полном своем виде Написание является механическим соединением двух различных произведений: первое — собственно Написание архиепископа Геннадия, написанное от его имени, в первом лице; второе — изложение ритуала чествования белого клобука, установленного архиепископом Геннадием, в котором он сам фигурирует в третьем лице.

Наибольший интерес представляет первая, меньшая часть, непосредственно связанная с нашей Повестью и перекликающаяся с Посыльной грамотой Дмитрия Толмача. Здесь Геннадий сначала выражает свое удовлетворение и радость от того, что он „сподобился... извещение прияти о святем белом клобуке, где сотворен бысть и како прииде в великий Новград“, а потом сообщает, что разыскал кое-что („малая некая“) о белом клобуке также и у себя, в Новгороде, в Софийском соборе.

Из этого многочисленного и разнообразного материала Геннадий и составил свое Написание („и сия разстоящая многая и различная... во един собрав своим написанием“), рассказав в нем историю белого клобука, и передал это Написание в Софийский собор. В заключение Геннадий коротко отмечает, что он послал Дмитрия Толмача в Рим и во Флоренцию „неких ради нужных взысканиих“ и по возвращении обильно вознаградил его за успешно выполненное поручение.

¹ С одним списком собрания Карело-Финской базы АН СССР нам удалось познакомиться благодаря любезности В. И. Малышева.

² За исключением митрополита Макария, который вскользь упоминает о Написании, говоря о первом, старообрядческом издании Повести конца XVIII века, ставшем теперь библиографической редкостью [Макария (Булгаков). История русской церкви, т. VII. М., 1891, стр. 235].

³ В двух списках (ГПБ, Титов. 2075/523; БАН, 33.17.32) этот же кусок употреблен в качестве заглавия всей Повести — он стоит перед Посыльной грамотой; обычное заглавие самой Повести в этих списках отсутствует.

Во второй части излагается порядок установленного Геннадием для белого клобука особого ритуала при богослужениях, а также обряда, совершавшегося в Вербное воскресенье, — шествия „на жребяти осли“ к церкви, основанной архиепископом Василием, по преданию, на месте встречи им белого клобука. После этого шествия устраивалась трапеза для „князей, бояр и нарочитых православных великого Новгорода“, во время которой „велегласно“ читалась „Написания повесть о белом клобуке“. Весь обряд заканчивался пением многолетия „державному государю и великому князю“, а архиепископа торжественно провожали „во своя“ (в описании этих проводов есть текстуальное совпадение с описанием шествия архиепископа Василия в конце Повести о новгородском белом клобуке, что, несомненно, еще больше связывает эти два произведения).

Таково вкратце содержание Написания архиепископа Геннадия.¹

Чтобы не возвращаться в дальнейшем к Посыльной грамоте, выскажем теперь же некоторые соображения, позволяющие не придавать особого значения этой части Повести.

Написанная в манере весьма распространенных в XVI веке книжно-риторических посланий к духовным лицам, Посыльная грамота не оригинальна и по содержанию. При чтении ее невольно приходит на память и известная беседа Дмитрия Герасимова с Павлом Иовием, в которой первый рассказывает второму, — так же как лицо, от имени которого написана Посыльная грамота, „римскому книгохранителю“, — о „благосостоянии“ и о „чудотворцах“ Русской земли, и бывшие в большом ходу во второй половине XVI века рассуждения о „порче“ древнегреческих книг „латинами“ (Иван Пересветов, Максим Грек). Более того, имеется ряд текстуальных совпадений с одним из сказаний о жизни Максима Грека, что было отмечено еще Субботиним. Посыльная грамота имеет также слишком явное сходство и с самой Повестью о белом клобуке: таинственное „Написание“ о белом клобуке, за которым Дмитрий Толмач приехал в Рим, совершает, по словам „римского книгохранителя“, из-за преследования со стороны „латинских людей“ рейсы по тому же маршруту, что и клобук в Повести. Наконец показательна и путаница в отношении лица, от имени которого написана Посыльная грамота. В заглавии он назван „Дмитрием греком Толмачем“ (а таких в начале XVI века известно два — Дмитрий Траханиот и Дмитрий Ларев, или Ралев), но в самом начале текста Грамоты он называет себя „слугой двора“ архиепископа Геннадия, „Митей малым“,² т. е. как будто имеется в виду известный русский переводчик и дипломат, живший в конце XV—начале XVI века, Дмитрий Герасимов, который в молодости носил это прозвище.

Все это вместе взятое говорит за то, что Посыльная грамота — позднее, составленное не ранее середины XVI века, прибавление к Повести о белом клобуке, возникшее под непосредственным влиянием последней, быть может, как попытка выяснить происхождение Повести или с целью придать ей больший авторитет, приписав этому произведению столь древнее, „римское“ происхождение.

Что касается самой Повести о белом клобуке, то прежде всего следует отметить следующее: в результате обследования рукописей

¹ Его полный текст см. в Приложении I, стр. 217.

² В опубликованном Костомаровым списке это место испорчено и читается так: „... Митя много челом бьет“. Все остальные списки исправляют это чтение на „Митя малый челом бьет“.

Повести оказалось, что Костомаров опубликовал не случайный, не первый попавшийся список этого произведения, а довольно исправный список чаще всего встречающейся в рукописях редакции Повести.¹ Эта редакция в литературе получила название „распространенной“, после того как Н. И. Субботиним впервые были сообщены сведения о другой, „краткой“ редакции Повести, которую этот автор, а вслед за ним и другие исследователи, признают первоначальной. Так как имеются основания возражать против этого традиционного мнения, которое до сих пор еще никто не пытался пересмотреть, то мы отказываемся от термина „распространенная редакция“ и будем называть эту редакцию „первой пространной“. Список, привлеченный Костомаровым для сравнения с опубликованным им текстом Повести,² оказался списком другой, еще более обширной редакции Повести, которую впредь будем называть „второй пространной“ (нам удалось обнаружить еще пять списков этой редакции). Обе пространные редакции, довольно близкие друг к другу и наиболее полно раскрывающие содержание Повести о белом клобуке, и будут нами рассмотрены подробно, так как и краткая,³ а также вновь обнаруженная и названная нами „кратчайшая“ редакция, не имеют самостоятельного значения, будучи простым сокращением второй пространной редакции.

Обратимся теперь к анализу содержания двух пространных редакций с целью определения источников Повести о белом клобуке и методов использования этих источников составителем Повести, чтобы таким образом подойти к анализу идейно-политического содержания этого произведения. Последнее является необходимым условием для датировки Повести, для определения ее места среди памятников древнерусской литературы, а также для характеристики и датировки ее отдельных редакций.

Прежде всего несколько замечаний о композиции Повести о белом клобуке; попутно напомним и содержание этого произведения.

Все произведение четко делится на четыре основные части, соответствующие четырем хронологическим этапам повествования. Каждая из частей Повести построена по одному и тому же плану: вначале упоминанием каких-либо легендарных или исторических личностей указывается датировка данной части, затем излагаются события, связанные с этими личностями, и все заключается описанием какого-нибудь эпизода, логически завершающего развитие этих событий и резюмирующего содержание этой части.

Первая часть, начинающаяся с имен римских императоров Максентия (305—312) и Константина (306—337), относит начало Повести к IV веку н. э. В этой части рассказывается эпизод из жизни Константина, имевший своим следствием легализацию христианства и появление белого клобука, история создания которого рассказана особенно подробно. Финал этой части — описанный до мельчайших подробностей церемониал возложения на Сильвестра белого клобука — завершает как цикл торжественных чествований Сильвестра, являясь апофеозом победы христианства над язычеством, так и историю „сотворения“ белого клобука. Вторая часть вводится именами „царя

¹ Рукопись ГПБ, Q. I-262.

² Рукопись ГПБ, Погод. 1350.

³ Один из списков краткой редакции был опубликован А. А. Назаревским в „Отчете о занятиях в Воронежском губернском музее“ (Университетские известия, Киев, № 7, 1912, стр. 31—40).

Карула“ и папы Формоса (891—896), рассказывает об их отступлении от „правых веры“, о непочтении римских пап к белому клобуку, о неудавшейся попытке его уничтожить. Финалом этих событий является эпизод отправки клобука в Византию, который завершает приключения клобука на данном хронологическом этапе. Ко второй части Повести по смыслу и содержанию относится также подробное описание болезни и смерти римского папы, помещенное в следующей, третьей части.¹ По мысли автора Повести все это является не только карой за непочтение святыни, но и символизирует предел морального падения католической церкви. Третья часть, начинающаяся упоминанием константинопольского патриарха Филофея (1355—1377) и царя Ивана Кантакузина (1341—1355), рассказывает о событиях, связанных с этими лицами, и завершается эпизодом отправки клобука на Русь. В финале этой части, являющемся кульминационной точкой всего произведения, раскрывается, наконец, смысл всех приключений белого клобука, его символика и предназначение. Наконец четвертая, последняя часть переносит нас в Новгород XIV века и описывает события, связанные с упомянутым в ее начале архиепископом Василием (1330—1352). Финалом этой части и всей Повести является описание торжеств в Новгороде по случаю прибытия белого клобука на Русь, народного ликования по этому поводу и распространения о нем славы по всей Руси.

Все четыре части Повести следуют друг за другом в четкой последовательности. Каждая часть логически связана с предыдущей и последующей. Все события Повести рассказаны равномерно, без скачков, переходы между отдельными частями оформлены религиозно-нравоучительными тирадами, все части Повести связаны единым сюжетным стержнем — историей приключений белого клобука. Композиционное единство Повести сопровождается и усиливается единством стиля и языка — применением одних и тех же стилистических приемов, постоянным повторением одних и тех же образов, что значительно растягивает и однообразит повествование, но усиливает его композиционное и стилевое единство. Особой стройностью и законченностью композиции, единством языка и стиля отличается первая пространная редакция, что дает основание считать эту редакцию произведением авторским, написанным от начала и до конца одним человеком и дошедшим до нас без существенных изменений, без всяких „наслоений“. Стройность композиции второй пространной редакции нарушена непомерным развитием финала первой части; здесь налицо уже явно позднейшие вставки — „наслоения“.

Откуда же составитель Повести о белом клобуке черпал материал для своего произведения? Каковы источники Повести? Решить эту задачу отчасти помогает нам сам составитель.

Во-первых, он подчас плохо заделал грани между отдельными частями своего произведения, соответствующими его отдельным источникам; во-вторых, в пространном заглавии Повести автор ее прямо указывает некоторые источники, которыми он пользовался.²

¹ Такое перемещение является своеобразным композиционным приемом, часто встречающимся в народном творчестве, например в сказках, когда рассказ то и дело возвращается назад, к событиям и героям, о которых шла речь раньше.

² Не лишено значения, что это весьма пространное заглавие тщательно и целиком приводится во всех списках как первое, так и второй пространной редакций, что дает основание считать его исконной и обязательной принадлежностью Повести.

Все заглавие состоит из пяти фраз: 1) „От истории римския повесть веления царского и чина святительского чюдна зело“. 2) „Написана вкратце от части жития благоверного царя Константина римского“. 3) „И о сотворении святительского белого клобука“. 4) „И откуда начало прияша архиепискупи великаго Новаграда, еже носити на главах своих, а не яко же прочии митрополити и епископи“. 5) „Зде же о сем известно сказание имать“.

Первые две фразы легко объединить — обе они являются указаниями на определенные источники: на знаменитую подложную „Константинову грамоту“, содержание которой здесь кратко, но четко сформулировано („царское веление“ о „святительском чине“), и на житие Константина, вернее на какую-то часть его, использованную не целиком, а „вкратце“. Эти фразы, взятые вместе, дают определение одному из составных элементов Повести, который мы имеем основание назвать „римским“, так как это слово подчеркивается в обеих фразах. Третья фраза говорит о „сотворении“ белого клобука; тут нет ссылки не только на „римское“ происхождение этой части Повести, но вообще отсутствует указание на какой-либо источник. То же самое и в четвертой фразе, где прямо говорится о происхождении новгородского обычая — ношения местными архиереями, в отличие от остальных русских митрополитов и епископов, белого клобука. Эти две фразы также легко объединить, так как в них речь идет об одном и том же — о белом клобуке, история которого от момента „сотворения“ до прибытия в Новгород составляет содержание второго, основного элемента Повести. Этот последний, в отличие от первого, „римского“, заимствованного, мы будем рассматривать как оригинально-русский элемент, как продукт собственного творчества автора Повести, что постараемся в дальнейшем доказать.

Наконец пятая, последняя фраза просто резюмирует все заглавие, связывает его с самой Повестью, что является чисто стилистическим приемом.

Постараемся теперь установить наличие этих, указанных в заглавии, составных частей произведения, определить их взаимоотношения, удельный вес каждой в идейно-политическом содержании Повести.

Уже из заглавия ясно, что Повесть о новгородском белом клобуке не является лишь русским вариантом Псевдоконстантиновой грамоты (*Donatio Constantini*), но включает в себя на равных основаниях и другой „римский“ источник — Житие Константина, а главное — оригинальный русский источник — местное новгородское предание. Сразу же становится очевидной и несостоятельность предположения некоторых ученых о привозе всей Повести целиком из Рима, так как допустить существование в Риме записи новгородской легенды совершенно невозможно.

Итак, два источника первого элемента Повести указаны в ее заглавии: это Псевдоконстантинова грамота и Житие Константина. Старейший из известных русских списков Псевдоконстантиновой грамоты, относящийся к XV веку, имеется в рукописи БиЛ, Унд. 1;¹ в качестве древнейшего списка Жития Константина возьмем его изложение в Ве-

¹ Он опубликован в статье А. Павлова „Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе“, откуда в дальнейшем будут взяты нами цитаты Грамоты (Византийский временник, т. III, вып. 1, 1896, стр. 59—87).

ликих четых-минях.¹ Сравним тексты этих двух произведений с текстами обеих редакций Повести.²

Вот как выглядит начало Повести (в обеих пространных редакциях) в сравнении с соответствующим местом Жития Константина.

Повесть

По смерти убо нечестиваго царя Максентия на христиан гонение преста и бысть тишина велия. Человецы же живущии в Риме и окрестнии, аще и неверием одержимы бяху, но веселием и радостию великою венчавше град свой. Восприяша же с похвалами на царство великаго и славнаго Константина, спаса и благодателя нарицающе его. Богоспешный же царь Константин прием римский скипетр. . .³

Житие Константина

Жители еже римстии, . . . избывше лукаваго Максентиева мучения, град венчавше. Восприяша с радостию великою и с похвалами победителя Христа и великаго царя Касьянтина, спаса и благодателя нарицающе и сице на христианы преста брань. Богоспешный же царь Костянтин приим Рим. . .⁴

Далее в Житии Константина описывается амнистия христианам, восстановление христианских и разрушение языческих храмов — все то, что в Повести идет позднее, после крещения Константина, но близость обоих текстов сохраняется.

Приведенные цитаты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в основе первой части Повести и четых-минейного Жития Константина лежит один и тот же источник — текст Жития Константина, прошедший до того, как он попал в приведенные списки, ряд трансформаций, но от которого как в Повести, так и в Житии остались отдельные идентичные выражения и словосочетания.

Следующие эпизоды Повести — крещение Сильвестром Изумфера, жалоба на него Замбрии и постигший вследствие этого Сильвестра „гнев царев“ — в Житии Константина и в Псевдоконстантиновой грамоте отсутствуют, и естественно предположить их заимствование из Жития Сильвестра. Но недаром этот источник не упомянут наравне с другими в заглавии Повести: в Житии Сильвестра⁵ об этих событиях ничего не говорится, кроме упоминания эпизода „воскрешения“ быка, о котором в Повести сказано глухо, с обещанием рассказать в другом месте: „о сем убо инде скажем“;⁶ в Житии Сильвестра этот эпизод рассказан весьма подробно, выделен особым заголовком, и в нем фигурирует знакомый нам по Повести Замбрий.⁷

¹ По подлиннику (майский том Великих четых-миней), хранящемуся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, с дарственной записью на первом листе, являющейся, по нашему мнению, автографом митрополита Макария (рукопись ГПБ, Соф. 1321, лл. 453—462 об.).

² Текст первой пространной редакции в дальнейшем будет цитироваться по одному из наиболее близких к архетипу и исправных ее списков. Это — отдельная рукопись конца XVI—начала XVII века (ГПБ, собр. Археол. общ. 22); текст второй пространной редакции цитируется по списку XVIII века (ГПБ, Тихан. 591), весьма близкому к архетипному списку этой редакции начала XVII века (дефектному, без конца — БАН, 19.2.14).

³ Рукопись ГПБ, собр. Археол. общ., л. 2.

⁴ Рукопись ГПБ, Соф. 1321, л. 456.

⁵ Великие четых-миней, январь, тетр. 1. М., 1910, стр. 67.

⁶ В двух списках Повести (ГПБ, Титов. 2075/523; БАН, 33.17.32) переписчик заменил эту отсылку прямой ссылкой: „о сем убо в Житии святого Сильвестра пишет“.

⁷ В Великих четых-минях, под вторым января, имеется еще весьма пространное „Деяние св. Сильвестра“. Содержание его довольно интересно. В самом начале говорится, что оно было составлено Евсевием и переведено с греческого на латинский язык (латинский перевод был напечатан впервые в 1474 году в Милане Мом-

Следующие события — история болезни Константина — описаны в названных автором в заглавии источниках Повести — Псевдоконстантиновой грамоте и Житии Константина. Приведем опять параллельные цитаты, чтобы убедиться, к какому же из этих источников ближе текст нашей Повести.

П о в е с т ь

В седьмое убо лето царства своего царь Константин в слоновую проказу впаде, уязвен бысть по всему телу и оступив лежаше, едва дыша. И мнози чаровницы и волсви приходяще не точию от римлян, но и от перс приведены, искусни сущи врачевстей хитрости и не успеха ничтоже сотворити. Но паче на горшее приведше и мало не прелестиша царя лукавия, рекоша сице: подобает царю купели быти в Капитолии римстей исполнитися чистых перворожденных младенец кровию мужеска полу. И горящею кровию измытися тебе и живот получитьи, а телеса младенческая дати на жертву богом.¹

Ж и т и е К о н с т а н т и н а

Се же бе самое лето царства Кастянтина, но понеже несведом божественного крещения дотоле сый божественный Кастянтин, что бывает на нем страшное видение: в осьпную проказу впад, уязвен бысть по всему телу и люте оступев одва дыша лежаше. Волсви же и чяровнице не точию,² но и от перс приведени искусни врачевския хитрости и ничьсо же успевше, но паче вредивше и на горшее ишедшее сотворити, яко се не подобно творении льстими славими мудри елини и дияволи поспешницы приснии и за малым не прельстиша проноривии, яко се рекоша они страстни: подобает купели быти в Капетолии римстей, исполнити же ся еи негленных детии кровию, в не же горящии еще и яко се курящися измывшуюся ему в ней моци очистися.³

Количество текстуальных совпадений оказалось прямо пропорциональным объему этих цитат: наиболее подробно события описаны в Житии Константина и в Повести — между ними и наибольшее число совпадений. Отметим некоторые, наиболее существенные из них: аналогичное указание времени заболевания Константина — на седьмом году его царствования, буквально совпадающая аттестация „волхвов“ и „чаровников“, оборот „но паче на горшее приведше...“ и т. д. В Псевдоконстантиновой грамоте эти события изложены совсем кратко, и между Повестью и Грамотой не только почти нет текстуальных совпадений, но есть и довольно значительные различия. Например, совет исцелиться младенческой кровью дают царю в Грамоте не врачи или „чаровницы“, но „служебницы полатнии“; произойти все это должно не в Капитолии, а в „полатном жертвище“.⁴

Вывод ясен: и в этом отрывке составитель Повести использовал Житие Константина. Грамота в этом куске Повести оказалась также неиспользованной; использование ее начинается со следующего эпизода Повести.

брюнем в „*Legendarium sive Acta Sanctorum*“, а греческий текст — в 1660 году в Париже Комбрефисом в „*Illustrium Christi martyrum lecti triumphales*“; в основу данного, четь-минейного текста „Деяния“, как прямо говорится в последнем, лег латинский текст. Содержанием этого „Деяния“ являются споры Сильвестра с евреями, ряд вероучителей которых, во главе с тем же Замбрией, назван по именам. Нашу повесть это „Деяние“ напоминает весьма отдаленно, хотя там названо, например, то же место, куда скрылся Сильвестр, что и в Повести, — „гора Сарафо“ (греч. *Σαραφίου ὄρος*), переведенное в повести более удачно — „Сарепийская гора“ или гора „Сорепна“, чего нет ни в Житии Константина, ни в Грамоте. „Деяния“ Сильвестра оказали явное влияние на один из вариантов первой пространной редакции (Рукопись ГИМ, Муз. 2909, лл. 573—607).

¹ Рукопись, л. 3 об.

² Здесь, очевидно, пропущены слова „от римлян“.

³ Рукопись, лл. 456—456 об.

⁴ Византийский современник, т. III, вып. 1, стр. 65.

Повесть

Псевдоконстантинова грамота

Тому же убо дне мимошедшу и ношному безмолвию пришедшу явистася царю во сне апостоли Петр и Павел глаголюще: понеже грехом не восхотел еси исполнити и проляти крови неповинных возгнушася, и от Христа господи и бога нашего послани есмы дати тебе спасение образ, имже здравие получиши. Послушай убо нашего заповедания и сотвори еже ти повелеваем...¹

Тому днєви мимошедшу и ношному безмолвию мне пришедшу... престаша святии апостоли Петр и Павел мне глаголюще: понеже грехом не простил еси исполнитися и пролитиа возгнушатися неповинных кровий, от Христа и бога нашего послани есмы дати тебе совет, им же здравия получиши. Послушай убо нашего заповедания и сотвори еже ти повелеваем...²

Совпадение этих двух отрывков, как мы видим, почти буквальное; в Житии же Константина начало этого эпизода описано так: „той же ноши виде царь видение, в ней же явистася ему святая апостола Петр и Павел глаголюща: ве есве посланая от владыкы бога дати ти спасениа образ...“³

Итак, роли рассматриваемых нами двух источников Повести переменились: если до сих пор изложение событий в Грамоте совпадало лишь с сюжетной канвой Повести, а подробности были заимствованы из Жития Константина, то, начиная с этого эпизода, Житие Константина становится канвой Повести, а подробности заимствуются из Псевдоконстантиновой грамоты, причем почти буквально. Последнее позволяет сделать следующий вывод: если начало Повести лишь восходит к общему с четь-минейным Житием Константина источнику, то теперь составитель Повести пользуется уже непосредственно Грамотой и имел в своем распоряжении список последней, весьма близкий к тому, который мы цитируем.

С момента включения в Повесть Псевдоконстантиновой грамоты начинаются расхождения между первой и второй пространными редакциями, которые до сих пор были весьма близки друг к другу. Это обстоятельство объясняется теперь просто: во второй пространной редакции Грамота использована в большей степени, чем в первой, где некоторые эпизоды, содержащиеся в Грамоте, либо сокращены, либо опущены. Вообще в первой пространной редакции имеется явная тенденция к ограничению риторичности и многословия, свойственных Псевдоконстантиновой грамоте, в то время как во второй пространной редакции риторичность Грамоты даже усиливается.

Вот как, например, приводятся заключительные слова апостолов в первом видении Константина:

Грамота Константина

Ему же бывшу, таковое воздание воздай иже спасителю своему, еже твоими повеленми елико по всей вселенней церкви обновляти. И ты же себе всей чести⁴ очисти, да всего многобесна идолского отступив, единому живому

Первая пространная редакция Повести

И егда же от святителя сию благодать примеше, воздаждь ему воздарение честно, да по всей вселенней твоими повеленми церкви православных обновятся священною лепотою и да прославится в них имя великаго бога

Вторая пространная редакция Повести

Сему же бывшу, иже от святителя сию благодать воспринмеш и таковому здравию тебе сподобашуся, воздаждь святителю благодарение честно и славу спасителю богу. Потом же твоими повеленми елико по всей вселенной церкви

¹ Рукопись, л. 4.

² Византийский современник, стр. 66.

³ Рукопись, л. 456 об.

⁴ Очевидно „всего чисте“ или „честно“.

истинному богу, иже есть един истинный, веруешь и поклоняешься и того исподняешь хотение.¹

и спаса нашего Иисуса Христа.²

православных обновлятися повели, священную лепотою украситися устрои и да прославитися в них имя великаго бога и спаса нашего Иисуса Христа. И ты же себе всего чиста очистити и всего многобесия идолскаго отступив, единому живому истинному богу, еже есть един бог истинный, веруеши поклонитися ему и того хотения во всем да исполниши.³

Следующий эпизод — встреча царя с Сильвестром и их диалог — изложен в обеих пространных редакциях почти одинаково и опять ближе к Житию Константина, а не к грамоте (часть диалога, например, буквально заимствована из Жития). Приведем опять цитаты, на сей раз более обширные, так как в изложении этого эпизода очень хорошо обнаруживается метод работы составителя Повести.

Житие Константина

Повесть

Псевдоконстантинова грамота

Посла абие к блаженному Селивестру. . . яко же повелено ему есть. Со всякою честию прити ему повеле. И вшедшу ему востав царь, первые целова и глаголя: здрава тя приимше радуемся. И святыи Селивестр отвеща: мир ти с небесе и победа да дастся. Тогда честный царь Константин рече ему о видении глаголя: во сне два некая мужа являшимися Петр и Павел глаголемая — явиста ми вся, еже о тебе. И се пришел еси — крестити мя и очисти мя. Но молю тя, епископе Селивестре: аще еста у тебе некая ею образ, покажи ми я и сотвори ми ею явлена образа, да разумею, аще еста рекша ми от бога послана быша. Ею же образа абие святыи-тель принес Селивестр и виде а царь и познав, начат вопити и глаголати: воистину ничсоже истиннее образу сею, ею же воображение и зрак видения узрех! Та ми рекоста: послани к Селивестру епископу и покажет ти купель спасения, в ней же измывся получиши своих струп здравие! Бла-

От царя Константина възскаанию бывшу велику о епискупе и обретоша его со всякою честию и приведоста пред царя. И яко убо вниде епискуп в палату, царь же восста и первые целова его и рече: здрава ты приимши радуемся, честный отче. Селивестр же рече: мир тебе, сын,⁴ се дастся и победа. Царь же сказа ему о видении: некая, рече, два мужа ношью во сне явльшумися — Петр и Павел нарицаемита себе имяна — и возвестита ми яже о тебе. И се пришел еси, сотвори о мне, еже имаши от бога дар и очисти мя от болезни моея. Но и еще молю тя, святыи епискупе: повеждь ми, кто суть бози Петр и Павел имянуеми? Имаши ли у себе образы явльшихся мне и да покажеш ми их и сотвори ми ею явлены, да разумно ми да будет, аще воистину от бога посланным им быти. Селивестр же рече: не истина суть еже тех боги именовати, но апостоли суть господа нашего Иисуса Христа и по том всякия чести достойны. И отцу

Поискав и призвав изрядного и великолепнаго отца соборнаго папу, нас просветившаго Силвестра, вся ему яже от святых апостол повеленныя ми глаголы явих. Вопросих же его: кто суть бози Петр и Павел именуеми? Глаголаше он: не по истине тех боги именовати, апустолы же спаса нашего Иисуса Христа быти крепляшешся. Паку начах вопрошати блаженешаго папы: аще явлены сих апостол образы суть, яко да от писания возможем разумети, елико мощно онем быти, их же откровением научихомся. Тогда он, всякою чести достойный отец, божественных апостол образы принести своему диакону повеле. Их же виде и лица оных, их же во сне узрев, на иконах познав, великим гласом пред моими князьми же и велможами исповедах сех оных быти, иже во сне явльшихмися. К сим же блаженейший сий отец наш Силвестр, града римскаго епискуп, время заповеда покаания, в едином вретидем одеяну в нашей

¹ Византийский временник, стр. 66—67.

² Рукопись, л. 4 об.

³ Рукопись, ГПБ, Тихан. 591, лл. 7—7 об.

⁴ В остальных списках этой редакции — „с небеси“.

женный же святой Селивестр седм дней пост цареве держати повелев и заповеди и милостыня творити проповедав. Благословивый сотворивый оглашена, отыде от него¹

Селивестр божественных апостол образы своему диакону повеле принести. Узрев же их царь на иконах и позна и пред своими князьми и велможамы исповеда и начат вопити и глаголати: воистину сих в видении узрих, ти мне глаголаста: послы ко епископу Селивестру, той ти покажет купель спасения. И паде пред ногама епископу. Блаженный же Селивестр воздвиг его и поучив от божественных писаний и заповеда ему поста прияти седмь дней и во едином вретиси одеяну быти и милостыню творити повели и благословив его, сотвори оглашена и отойде.²

полате, именуемой Латерана, да да все, яже...³

Далее в Псевдоконстантиновой грамоте следует отрывок, целиком включенный во вторую пространную редакцию, после которого идет эпизод крещения.

Совершенно очевидно, что автор Повести, сочиняя этот эпизод, имел перед собой и Житие и Грамоту. В обоих этих источниках одни и те же события изложены одинаково кратко, сухо и бесцветно, с протокольной фиксацией отдельных мелких подробностей и речей действующих лиц. Автор Повести изложил этот эпизод более подробно и красочно, сочным и понятным языком, но использовал некоторые детали, а также речи действующих лиц как из Жития, так и из Грамоты. Получилось так, что этот эпизод, с одной стороны, заимствован, а с другой — является оригинальным творчеством автора Повести. О поисках Сильвестра в Житии ничего не говорится, а в Грамоте только упоминается. Составителю Повести пришлось целиком сочинить первую часть разбираемого эпизода, так как этого требовала стройность и логичность изложения всего произведения: читателю известно, что Сильвестр скрывается в горах и „призвать“ его просто нельзя, а требуется „взыскание веле“, чтобы найти его и привести к царю. Встреча Сильвестра с царем и их взаимные приветствия полностью взяты из Жития, так как в Грамоте их нет. В рассказе царя о своем сновидении автор Повести объединил элементы из Жития (собственно рассказ) и Грамоты (вопрос о том, что за „боги“ Петр и Павел), и получился стройный, законченный диалог: царь рассказывает, спрашивает, получает обстоятельный ответ на свой вопрос и просит показать ему изображения апостолов. Сцена показа икон апостолов описана также в обоих источниках, но в Житии слишком витиевато, а в Грамоте — слишком кратко. Автор Повести вкладывает в уста Константина фразу собственного сочинения, удачно гармонирующую с общей динамичностью этого момента, подчеркнутой в обоих источниках (увидев иконы, царь „нача вопити и глаголати“). Наконец, заключительное поучение Сильвестра автор Повести берет из Жития, лишь несколько расширив его.

¹ Рукопись, лл. 456 об.—457.

² Там же, лл. 4 об.—5.

³ Византийский современник, стр. 67—68.

В заключительной части этого эпизода во второй пространной редакции опять вставлен значительный кусок Псевдоконстантиновой грамоты. Дальнейшие события — крещение и исцеление Константина — в обеих пространных редакциях изложены также по Житию, а не по Грамоте, и этим эпизодом заканчивается использование Жития Константина в Повести о новгородском белом клобуке.

Итак, в первой, компилятивной части Повести о белом клобуке ее автор использует в одинаковой степени и Житие и Грамоту, заимствуя выразительные средства как того, так и другого, объединяя и растворяя эти источники в своем творчестве.

Описанием легализации христианства заканчивается первая половина первой части Повести, и здесь мы обнаруживаем „грань“, так как изложение дальнейших эпизодов идет несколько по-иному. И если без особого труда удастся определить источники первой половины этой части Повести, то дальше дело обстоит гораздо сложнее.

Перейдем теперь к изложению событий, определенных в заглавии Повести как история „сотворения святительского белого клобука“. Напомним, что описания этих событий нет ни в Житии Константина, ни в „Деяниях“ Сильвестра. В Псевдоконстантиновой грамоте написанной, как известно, от его имени, в первом лице, об этих событиях говорится так:

„И венцем, имже от главы нашае ему подахом златом честнейшим и каменми... должен ест одеватися и на главе носити во славу божию о чести блаженаго Петра. А понеже той блаженнейший папа, понеже венец клирический, еже на главе пострига, его же о чести имеет блаженного Петра, не хотяше, еже от злата носити венец, мы венец место сего лицем белейшим, светлое воскресение господне назнаменоваше, священнейшому его верху своими руками возложим“.¹

В Повести же все эти события рассказаны чрезвычайно подробно, с привлечением множества эпизодов, подчас до мелочей детализированно. На большинство этих деталей и эпизодов, имеющих в Повести, в Грамоте нет и намека (например описание пира в честь Сильвестра, второе видение Константином апостолов, история создания белого клобука и до мельчайших подробностей описанная церемония вручения его Сильвестру). Сочинено ли все это составителем Повести, или откуда-нибудь заимствовано? Нам кажется, что здесь есть и то и другое, но элементы заимствования здесь настолько ассимилированы творчеством составителя Повести, что их почти невозможно установить. Лишь весьма немногие отдельные детали и подробности несут на себе неясные следы использования какого-либо источника. Так, например, в описании проводов Константином Сильвестра после пира фигурируют какие-то „председания с конми“, на которые царь сажает епископа (некоторые, более поздние переписчики Повести заменили эти непонятные „председания“ словом „колесница“). Эта деталь дает основания предполагать, что весь этот эпизод Повести был откуда-то взят ее составителем, причем данная подробность была им не понята, что сделало ее непонятной и читателю.

Зато описание „сотворения“ белого клобука явно сочинено в Новгороде, так как сделано с натуры с того самого клобука, который носил архиепископ Василий,² в то время как в Псевдоконстантиновой

¹ Византийский временник, стр. 78—79.

² В 1946 году при раскопках в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде было обнаружено погребение архиепископа Василия. В гробу, кроме остатков одежды (епископского облачения особого типа — тех самых „крестчатых риз“ — поли-

грамоте этот головной убор определенно и неоднократно назван „венцем“ (στειφανος), т. е. скорее короной, митрой, но во всяком случае не мягким монашеским клобуком, закрывавшим, в отличие от короны или митры, всю голову.

Чем же все-таки отличается эта вторая половина первой части Повести от ее начала? Почему между описанием легализации христианства и описанием „сотворения“ клобука нами отмечается незаметная на первый взгляд грань?

Начало Повести — все изложение ее до отмеченного нами момента — является не более, как компиляцией из двух источников, установить которые, как мы убедились, не представляет большой трудности. Во второй же половине первой части Повести используется лишь один из этих источников — Псевдоконстантинова грамота. Но использование этого источника в данной части Повести резко отличается от предыдущей: здесь уже не компиляция, а ассимиляция, и если отбросить маловероятное предположение о том, что в этой части был использован еще какой-то, неизвестный нам источник, то вся эта часть представляется намвольной импровизацией составителя Повести на мотивы Псевдоконстантиновой грамоты.

Приведем один из эпизодов этой части Повести, иллюстрирующий приемы этой импровизации, чтобы убедиться, как искусно использовал автор Повести неясные, глухие и краткие намеки на некоторые обстоятельства взаимоотношений Константина и Сильвестра, содержащиеся в Псевдоконстантиновой грамоте.

Сюжетная схема этого эпизода в Грамоте такова. Константин предлагает Сильвестру царский венец; Сильвестр отказывается, ссылаясь на то, что он носит „венец клирический от чести св. Петра“, да еще „на главе пострига“, т. е. будучи монахом; после этого царь возлагает на Сильвестра „венец лицом белейшим“. Автор Повести из этого одного эпизода сделал несколько. Предложение царя и отказ Сильвестра, о чем так кратко сказано в Грамоте, он развернул в значительный по объему эпизод; по ходу действия Сильвестр, отказ которого „оскор-

ставрона, который митрополит Феогност, по свидетельству летописей, пожаловал архиепископу Василию), были обнаружены остатки клобука: 23 жемчужины, бирюзовые, розовые и золотые бусины, наконец, две ленты „рясны“, сделанные из серебряного кружева. Таким образом клобук, который носил архиепископ Василий, был на самом деле белым, „плетеным“, „тричастным“, как про него говорится в Повести, и совершенно необычным не только по цвету, но и по роскошному оформлению: из серебряного кружева, с расшитыми шелками медальонами — изображениями святых, обильно украшенный жемчугом, с кистями на концах „рясы“. Такой необычайный головной убор мог действительно дать повод к легенде. Сравнение этих остатков с клобуком, который некогда хранился в Софийской ризнице и считался принадлежавшим архиепископу Василию, с полной очевидностью показывает, что последний был довольно точной, но менее роскошной копией клобука архиепископа Василия: он был связан из белого шелка и не с семью, а лишь с четырьмя изображениями — медальонами — на каждой „рясе“. Об этих раскопках см. в вып. XXIV „Кратких сообщений ИИМК“, в статьях А. А. Монгайта (стр. 92—104) и Л. И. Якуниной (стр. 105—107); с мнением последней, что раскопано было погребение архиепископа Симеона, а не Василия, трудно согласиться после тех доказательств, которые привел в своей статье Монгайт (стр. 102—103). Подробное описание белого клобука, якобы принадлежавшего архиепископу Василию, имеется в „Археологическом описании церковных древностей в Новгороде и его окрестностях“ архиепископа Макария (М., 1860, стр. 343—357). Его внешний вид воспроизведен в альбоме „Древности Российского государства“ Ф. Г. Солнцева (т. I, 1849, № 94). В настоящее время в Новгородском музее выставлен белый клобук неизвестного происхождения — также вязанный, но без всяких украшений и даже без „рясы“. Это, очевидно, один из четырнадцати белых клобуков, которые хранились в Софийской ризнице во времена Макария.

бил“ царя, произносит довольно большой по объему и риторически законченный монолог о монашеском смирении, т. е. о том же, чем кратко мотивируется отказ его от венца и в Грамоте. Следующий эпизод — пир в честь Сильвестра — сочинен составителем Повести; в Грамоте на него нет и намека; награждение Сильвестра „белейшим венцем“, о чем очень кратко сказано в Грамоте, развернуто автором Повести в четыре эпизода: сонные видения царя, собственно „сотворение“ клобука, видение Сильвестра и, наконец, церемониал возложения белого клобука.

Так, по канве Псевдоконстантиновой грамоты автор Повести создает „хитросплетенный“ по всем правилам агиографической литературы узор своего повествования.

Не случайно и изменение стиля изложения Повести, которое во второй половине первой части ее явно замедляется: в рассказ включаются различные религиозно-нравоучительные сентенции и отступления, вводятся диалоги действующих лиц. Различные „видения“ и „гласы“, употребляемые до сих пор в умеренном количестве и обычно кстати, там, где они действительно нужны для развития действия, начиная с этой части Повести сопровождают чуть ли не каждый шаг действующих лиц, чрезвычайно растягивают и однообразят изложение Повести. Все это является несомненно отражением индивидуальности, особенностями литературной манеры составителя Повести — не очень искусного литератора, но человека, начитанного в области церковно-исторической и агиографической литературы. Начав свое произведение компиляцией из нескольких источников (Житие Константина и Псевдоконстантинова Грамота, Житие и, возможно, „Деяния“ Сильвестра), он переходит к импровизации на сюжет одного из этих источников — Грамоты, чтобы затем развернуть во всю ширь уже свое собственное творчество. Рассмотренная нами вторая половина первой части Повести — история „сотворения“ белого клобука — и является, по нашему убеждению, вторым этапом, второй формой творчества составителя Повести, и в этом ее коренное отличие от первой половины.

Заключительной фразой импровизации составителя Повести на мотивы Псевдоконстантиновой грамоты является следующая, буквально взятая из последней, фраза: „Идеже бо святительская власть и христианскаго благочестия глава небесным царем установлена бысть — недостойно есть тамо власть имети земному царю“, и этой фразой заканчивается использование Псевдоконстантиновой грамоты в первой пространной редакции Повести.¹

Во второй пространной редакции этой фразой вводится значительный по объему кусок Грамоты, вставленный почти буквально, лишь с перемещением эпизодов и с пропусками отдельных, обычно не очень значительных фраз. Эта вставка значительно меняет, как мы укажем ниже, идейно-политическое содержание Повести, резко обособляет вторую пространную редакцию от первой. После вставки во второй пространной редакции также сообщается об отъезде Константина в Византию, и этим заканчивается в обеих редакциях первая часть Повести, охватывающая события, хронологически совпадающие с периодом царствования Константина Великого.

Следующие события, изложенные в Повести, связаны уже с более поздним историческим периодом, с новыми именами и с новыми ситуа-

¹ После этого кратко отмечается лишь, что, передав Сильвестру Рим с соответствующим „написанием“, Константин удаляется в Византию.

диями, на фоне которых рассказана дальнейшая история белого клобука. Между этими событиями и предыдущими — хронологический скачок,¹ вторая и на сей раз ошутимая грань, что дает основания считать это место концом первой, „римской“ и началом второй, русской части Повести, к выяснению источников которой мы сейчас и перейдем.

Эта часть начинается своеобразным экскурсом в область истории церкви. Рассмотрим этот экскурс и постараемся выяснить его источники.

В самом начале второй части Повести упоминаются „царь Карул“ и папа Формос. Если последний и имеется в списке римских пап (это имя носил лишь один из римских пап), являясь, таким образом, личностью исторической,² то первый, „царь Карул“, требует выяснения своего прототипа, так как в числе римских императоров не было ни одного с этим именем. Зато имя „царя Карула“ встречается во многих древнерусских исторических и церковно-полюемических произведениях, так же как в Повести о белом клобуке, рядом с именем папы Формоса. Взаимоотношения их описываются в этих произведениях в двух вариантах: иногда „царь Карул“ непосредственно связывается с папой Формосом,³ но в большинстве случаев их взаимоотношения более сложны: папа Лев в борьбе со „сродницами“ своего предшественника Адриана призывает к себе на помощь „от внутренней Фругии“ князя (или царя) Карула. Этот последний приводит с собой еретиков „учение Арнева и Аполлинариева“, однако Лев не дает ходу этим ересям, и они распространяются лишь при Формосе, который им тайно покровительствовал.⁴

¹ Это отмечено и в тексте Повести: „и тако преидоша лета многа во благочинии оном“.

² Формос занимал папский престол с 891 по 896 год. На фоне общего морального падения папства в IX—XI веках среди бесконечных интриг между местными итальянскими феодалами вокруг папского престола — интриг, в которые то и дело втягивались германские и франкские короли, Формос выделялся как ловкий политикан, сумевший удержаться на папском престоле до самой смерти. „Прославился“ Формос тем, что был казнен посмертно: его преемник Стефан VI приказал вырыть труп Формоса, судил его, казнил и выбросил в Тибр. К сожалению, в русской специальной литературе совсем не исследован ранний период деятельности Формоса — период его епископства в г. Порто, на одной из старейших католических кафедр, основанной еще в 314 году (Chevalier. Repertoire des sources historiques du Moyen Age. Bio-bibliographie, т. I, Paris, 1905, стр. 1543). А между тем, по западноевропейским источникам (Migne. Patrologiae latinae... , ССХХІХ, стр. 821—824), не кто иной, как Формос, будучи епископом в г. Порто, крестил болгар и, будучи в Риме в 869 году посвящая по приказу папы Адриана II в духовный сан, вместе с другим епископом, Гондрихом, славянских первоучителей Мефодия и Константина, что зафиксировано и в житии последнего. (Труды славянской комиссии АН СССР, т. I, Л., 1930, стр. 34 и 65). Таким образом Формос был одним из первых участников борьбы католицизма с православием за славянство; не этим ли объясняется традиционная ненависть к нему православных церковников, столь ярко отразившаяся в Повести о новгородском белом клобуке?

³ „Карул“ способствует утверждению еретика Формоса на папском престоле, или, наоборот, Формос призывает на помощь Карула. Например, в „Летописце Переяславля Суздальского“: „И отом Карул — князь Риму — устави Формоса и Ариана учения приемша держати, служати опресноки“ (Летописец Переяславля Суздальского, изд. Оболенского, стр. 31). В так называемой „Летописи Авраамки“ не Карул помогает Формосу, а „латыни“ во главе с Формосом „сотвориша себе царя Карула и впадоша в ереси сия“ (ПСРА, т. XVI, стр. 28).

⁴ Так изложены события в „Сказании о латынях, како отступиша от православия“ (ПСРА, т. XXII, ч. I, стр. 326), в „Слове избранном от святых писаний, еже на латыню“ и других произведениях, наиболее ранним из которых является статья в требнике начала XV века „Како и коего ради дела отлучишася от нас латыня“ (см: А. Н. Попов. Историколитературный обзор древнерусских сочинений против латынян. М., 1885, лл. 137—145).

Мы не будем пытаться установить, какая историческая личность была прототипом „даря Карула“,¹ что за страна „Фругия“, так как ограничиться предположениями было бы недостаточно, а специальное исследование этого вопроса увело бы слишком далеко от нашей темы. Считаю достаточным констатировать тот факт, что папа Формос и „дарь Карул“ фигурировали в русской исторической и церковно-полемической литературе XV—XVI веков как основоположники аптолинаризма, арианства и других ересей, что привело, по мнению древнерусских историков и богословов, к окончательному отпадению католического Запада от „истинной веры“.²

Последним и объясняется присутствие этих лиц в Повести о новгородском белом клобуке, которая в этой, второй, части носит ярко выраженный антикатолический характер. Да и сам автор Повести во второй ее части мало заботится о соответствии своего произведения историческим сведениям и источникам своего времени: он лишь вскользь упоминает о том, что Карул и Формос впади в „аптолинариеву ересь“ и стали служить на пресном хлебе. В центре его внимания окончательно становится судьба белого клобука, который эти еретики почему-то возненавидели и всячески пытались уничтожить. Исторический фон, фактографическая сторона описания в этой части Повести отступает на второй план (автор не называет даже, например, имени второго папы, назвав его просто „ин папа нечистый“). Зато фантасти-

¹ Скорее всего „Карул“ — искаженное имя Карл, которое носили многие германские императоры „Священной римской империи“. Карл III Толстый был современником Формоса, и с ним определенно отождествляет „Карула“ автор Хронографа второй, западнорусской, редакции (ПСРА, т. XXII, ч. II, стр. 210). Может быть также, что „Карул“ — Карл Великий, который, как известно, активно вмешался в борьбу за папский престол между Адрианом I и Львом III и получил корону из рук последнего. По западноевропейским источникам известно, что Формос короновал в 896 году франкского короля Карла Симплиция (Migne. Patrologiae latinae...). Таким образом обе русские версии связи Формоса с „Карулом“ имеют исторические основания: первая версия (Формос — современник „Карула“) относится к Карлу Симплицию, вторая („Карул“ — современник пап Адриана и Льва) — к Карлу Великому. Составитель хронографа второй редакции, очевидно, спутал Карла Симплиция с Карлом Толстым.

² Насколько эта версия была в свое время распространена, свидетельствует еще такой факт. Во многих богослужебных книгах XV—XVI веков имеется чин принятия католиков и лютеран в православие. По ходу действия принимаемый должен был произносить весьма пространное „анафематствование“, в самом начале которого говорилось следующее: „Отрицаются и отвергаются... римскаго царя Карула и иже с ним пришедших в Рим от западных латын... иже тогда держакху сокровенно многие ереси — ариеву и аптолинариеву и македониеву... Проклинаю и последи бывших православных пап учению... Проклинаю и богомерзкаго папу Формоса... и той ест первый в римских папах отступник православия... Проклинаю формосовых единоправных ему стаибников, бывших во Формосе в Риме пап...“ и т. д. (цит. по требнику начала XVI века, рукопись ГПБ, Солов. 1214/1105, лл. 1 об.—2 об.). Приведем еще два малоизвестных документа, в которых фигурирует Формос (с ним сравнивается митрополит-униат). Это — послание русских епископов литовским 1459 года о непризнании киевского „жеммитрополия“ Григория (АИ, т. I, стр. 502—503) и послание московского митрополита Ионы к новгородскому архиепископу Ионе о том же Григории, того же 1459 года, в котором с Формосом сравнивается сам Исидор (АИ, т. I, стр. 116—118). Наконец в грамоте митрополита Филиппа новгородцам 1471 года упоминаются и „древние еретики Каруловы“ и „последовавший им папа Формос“ (АИ, т. I, стр. 516). Два последних документа имеют некоторое значение для исследования Повести о новгородском белом клобуке. В качестве „первого еретика“ Формос фигурировал и в украинской полемической литературе: коварным, лицемерным, тайным еретиком, совратившим римскую церковь, основоположником раскола между восточной и западной церквями рисует его, например, Захарий Копыстенский в своей „Палинодии“ (РИБ, т. IV, стр. 1099—1100), сравнивая его с Лютером (там же, стр. 1227).

ческая и полемическая стороны здесь доведены до предела, что дало возможность автору широко развернуть свое творчество, отказавшись от компиляции, отмеченной нами в первой части Повести. Конечно, и здесь использованы многие приемы, образы и штампы агиографической литературы — различные „чудеса“, „гласы“, „видения“, но все это тесно переплетено с элементами собственного творчества автора Повести. Последние, несомненно отразившие мировоззрение составителя Повести, подчас просто поражают своей реалистичностью, разительно контрастирующей с общим безудержно фантастическим фоном повествования. Таковы, например, картины бури и кораблекрушения, написанные не только весьма реалистически, но и со знанием технологии кораблестроения того времени: корабль не просто сгорает от удара молнии, а сначала растопляется и загорается „смола корабленая“, образуется течь, корабль разламывается на части, и все вместе взятое приводит судно к гибели; чудесно шествующие „по водам“ святые (избитый, старый, еще евангельский образ) вовсе не „чудесно“, а просто, „по-человечески“ спасают Иеремию; отыскав веревку — остаток снастей погибшего корабля — они привязывают ее „за конец дски“ и приволакивают доску к берегу. Узнав о спасении клобука, папа с досады рвет и кусает свою бороду. Число подобных примеров можно было бы увеличить, но нам кажется, что уже и сказанного достаточно, чтобы доказать наличие несомненно реалистических черт в описании всех этих фантастических событий. Необходимо также отметить и то, что количество реалистических деталей и подробностей возрастает в местах наивысшего полемического подъема. Особенно показательны в этом отношении описание болезни и смерти римского папы, где дана прямо клинически точная картина течения одной из венерических болезней. Причина этой ужасной болезни и смерти указана автором Повести кратко, но совершенно определенно: „Толико бо поганый он папа не любяше Русския земли, но и слышати не терпяше“.

Следующая, третья часть Повести, рассказывающая о пребывании клобука в Царьграде, также начинается упоминанием исторической личности — патриарха Филофея.¹

Немного позднее появляется другая историческая личность — византийский император Иоанн Кантакузен (1341—1355). Эти два исторические лица делают фон изложения третьей части Повести более конкретно-историческим, чем во второй части, где налицо значительная путаница исторических имен и событий. Автор Повести совершенно определенно вводит нас в XIV век, в то время как события второй

¹ Филофей занимал кафедру дважды: с 1354 по 1355 и с 1362 по 1376 год. Имя патриарха во второй пространной редакции — „Увеналий“ — является загадкой, так как в списке константинопольских патриархов оно не встречается. Носил это имя лишь один из иерусалимских патриархов (420—458), участник третьего и четвертого соборов, добившийся после долгой борьбы с александрийским и антиохийским патриархами значительного возвышения иерусалимской кафедры (Сергий. Полный месяцеслов Востока. Владимир, т. II. Заметки. 1901, стр. 250—251). Таким образом имя этого патриарха во второй пространной редакции является анахронизмом (архиепископ Василий жил через 900 лет после Ювеналия), что наводит на мысль о том, нет ли здесь просто ошибки писца, повторенной переписчиками и таким образом укоренившейся. Обнаружить примеры подобных искажений переписчиками личных имен не представляет особого труда. Например, тот же „Увеналий“ в трех имеющихся в нашем распоряжении списках краткой редакции Повести претерпел следующие изменения. В списке ГПБ, Погод. 1600 и списке ГИМ, Муз. 2166 фраза „в Константинограде бе патриарх Увеналий, муж добродетелен“ читается так: „В Константинограде бе патриарх, а велико уже муж добродетелен“, в списке БиЛ, Рум. 45: „...патриарх сей велико уже муж добродетелен“, а в списке ГИМ, Муз. 581 вместо „Увеналий“ написано „уведал“.

части Повести охватывают огромный хронологический период и не поддаются точной датировке. Однако конкретизация исторического фона этой части Повести не повлияла на ее изложение, которое остается столь же фантастическим, как и во второй части. Полемический же пыл составителя Повести явно спадает, и реалистических деталей в описании отдельных эпизодов здесь значительно меньше. Из-за этого еще больше на первый план выступают образы, приемы и штампы агиографической литературы, что делает эту часть Повести наиболее „елейной“ (в этой части, например, много плачей: долго плачет патриарх после своего видения; узнав о причине его плача, заплакали и все присутствующие). Но лишь только речь заходит о Русской земле (когда Сильвестр велит отослать клобук в Новгород), составитель Повести в том же запасе выразительных средств агиографической и церковно-полемической литературы находит образы и приемы, которые дают ему возможность с большой патетичностью высказать свои патриотические чувства, сделать заключительный эпизод этой части кульминационным моментом всей Повести. Об идейно-политическом значении этого эпизода мы будем говорить подробно в дальнейшем.

Четвертая, заключительная часть Повести переносит нас на Русь, в Новгород XIV века. Как и каждая из предыдущих частей, она начинается именем лица, с которым связаны события этой части. На сей раз это знаменитый новгородский „владыка“, прославленный администратор и градостроитель, путешественник, полемист и писатель — архиепископ Василий (1330—1352). Личность и дела этого, несомненно выдающегося, русского деятеля XIV века достаточно хорошо освещены как в дореволюционной, так и в современной исторической литературе,¹ и мы не будем давать его подробной характеристики. Отметим лишь огромную популярность его среди современников. В 1-й Новгородской летописи, очень скупой, как известно, не только на похвалы, но и вообще на характеристики исторических лиц, Василию отведено значительное место: говорится, что епископом избран был он, простой приходский священник, потому, что его „возлюбил весь град от мала до велика“, подробно описывается его градостроительство, и на первый план выдвинута его роль примирителя внутренних междоусобиц, его умная и дальновидная политика по отношению к Москве.² Последнее было отмечено и московским правительством: митрополит Феогност пожаловал Василию невиданную до сих пор на Руси награду — „крестчатые ризы“, что единогласно свидетельствуется всеми летописцами. Вокруг имени архиепископа Василия очень рано стали слагаться легенды (еще в 1-й Новгородской летописи говорится о явлении среди бела дня звезды во время его хиротонии), и одной из этих легенд было предание о присылке ему из Константинополя особого головного убора — белого клобука; литературную обработку этого предания представляет собой заключительная часть нашей Повести.

На первый взгляд эта обработка сделана по всем правилам агиографической литературы: в самом начале архиепископ Василий аттестуется как „муж праведный, постничеством и всеми добродетелями украшен“ (тем же штампом был уже аттестован патриарх Филофей); он так же,

¹ Архиепископ Василий обычно фигурирует в курсах и отдельных работах по русской истории вообще и по истории древнерусской литературы в частности как усердный строитель новгородских церквей, Волховского моста, крепостей (он был, например, строителем первой каменной стены вокруг новгородского детинца) и как автор знаменитого послания о „земном рае“.

² ПСРЛ, т. II, стр. 75—78, 80—81, 82—85.

как и Филофей, помолвившись, „сел почити“ и „мало воздремався“, увидел ангела, предупредившего его о прибытии белого клобука. Пока что составитель Повести не утруждает себя привлечением новых приемов, новых выразительных средств и описывает события в Новгороде так же, как описал события в Царьграде. Но постепенно в повествование включаются новые и притом чисто русские бытовые и местные новгородские подробности, не совсем подходящие подчас для агиографического произведения. Например, если патриарх, проснувшись после своего видения, лишь спешит начать пораньше утреню, чтобы сообщить новость „собору церковному“, то Василий, убедившись через специальных посланных в „истинности“ своего видения, проявив тем самым явный скептицизм, сначала рассылает по всему городу глашатаев („проповедников“), чтобы организовать торжественную, всенародную встречу, велит звонить „во вся тяжкая“ и отправляется с крестным ходом встречать посланных от патриарха. Все это вполне соответствует русским обычаям, а созыв „всенародного множества“ через специальных „проповедников“ является местным, новгородским обычаем — так созывалось вече. Местные новгородские черты включаются даже в описание „чудес“: неоднократно фигурирующие в Повести „гласы“ здесь исходят от знаменитого образа Пантократора в куполе Софийского собора.¹

Наивысшей конкретизации описания составитель достигает в заключении Повести, изложенном с такими бытовыми и реалистическими подробностями, что создается впечатление рассказа очевидца. Таковы описание шествия Василия в невиданном доселе головном уборе через толпу удивленных новгородцев, некоторые детали пира, который устроил Василий по случаю прибытия клобука, описание его мелких хозяйственных распоряжений насчет устройства „честных даров“ и ответных подарков царю и патриарху, причем не были забыты и сами посланные с клобуком, которых Василий также, „даровы многими одарив“, отпустил во-свояси. Все это дает основание утверждать, что в финале Повести ее составитель использовал устное предание, был увлечен стихией народного творчества, и поэтому, наряду с приемами и средствами агиографической литературы, в этой части использованы некоторые фольклорные приемы. Такова картина грандиозного семидневного пира, написанная широкими былинными мазками (в числе гостей на этом пиру не забыта и „нищая братия“),² освобождение на

¹ Местонахождение этого образа в некоторых списках Повести указано точно: „иже бе написан под маковицей“, т. е. вверху главного купола Софийского собора. Отметим еще одну „чудесную“ деталь, столь же местного новгородского происхождения, поводом появления которой был такой же конкретный предмет, каким был и сам клобок архиепископа Василия. В Повести неоднократно говорится, что белый клобок совершал свои „путешествия“ в специально для него сделанном „ковчеге“ или „сосуде“. Этот футляр хранился в Софийской ризнице еще в 60-х годах прошлого столетия (о нем см.: Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. II. М., 1860, стр. 343); он был из кипариса, обладающего, как известно, довольно сильным и очень приятным запахом. Отсюда то „благоухание чудное“, которое почувствовали, по словам Повести, новгородцы при вскрытии плотно закупоренного „ковчеге“ с клобуком.

² Интересно сравнить описание этого пира с пиром, который устроил имп. Константин Сильвестру и который описан в начале Повести. Там — подробное описание типично византийского церемониала — встреча Сильвестра царем, угощение „из царских рук“ „клириков и мнихов“, т. е. исключительно духовенства, и другие подробности; здесь — широкий русский семидневный пир и не только для духовенства, но и для нищих и заключенных: причем щедрой рукой, без всяких церемониалов, просто „добре напитал“ архиепископ Василий своих гостей.

радостях заключенных, щедрые подарки и, наконец, заключительная фраза Повести о том, как пошла слава о белом клобуке „во все царства и страны“, через „многих стран и градов людей, приходящих в Новгород“.

Анализ содержания Повести о новгородском белом клобуке, выяснение ее источников и методов их использования приводит нас к следующим выводам.

В первой части Повести, хронологически наиболее отдаленной от той эпохи, до которой доведено повествование, автор использует некоторые известные в XIV—XVI веках исторические, агиографические и церковно-полемические произведения. Два из них автор прямо называет в заглавии своего произведения, и их легко выделить из самого текста Повести. Это — Житие Константина и Псевдоконстантинова грамота, использованные в совершенно равной степени. Начиная со второй части, таких заимствований уже не обнаруживается, и автор Повести самостоятельно сочиняет свое произведение, хотя, например, вторая часть написана в духе бытовавших в XV—XVI веках церковно-полемических, антикатолических произведений. Наконец в четвертой, последней части Повести местная новгородская легенда, легшая в основу всего произведения, разрабатывается уже непосредственно, без привлечения каких-либо литературных источников, и здесь автором использован ряд фольклорных образов и приемов. Таким образом элементы „от истории римския“ обнаруживаются лишь в первой половине первой части нашей Повести, т. е. составляют ничтожную ее часть; при этом один из этих элементов — Грамота — в первой пространной редакции полностью ассимилирована составителем Повести, который не только превратил „венец“ царя Константина в новгородский белый клобук, но и целиком переосмыслил ее идейно-политическое содержание. Основную политическую идею этого произведения — идею обоснования особых прав и привилегий римского папы — автор Повести целиком отверг, взяв из этого источника только то, что ему было нужно для доказательств „святости“ клобука, обладателем которого стала „Русская земля“.

Все это дает основание считать Повесть о новгородском белом клобуке произведением не заимствованным, а оригинально русским. Это не русский вариант Псевдоконстантиновой грамоты, как утверждали некоторые дореволюционные ученые, а разработка местной новгородской легенды с привлечением некоторых других источников, в число которых вошла лишь незначительная часть этой пресловутой грамоты.

Когда могла появиться легенда, легшая в основу Повести о белом клобуке, и что она собой представляла?

В первоначальном своем виде легенда о присылке белого клобука архиепископу Василию могла сложиться только сразу после смерти последнего,¹ так как менее чем через 100 лет имя этого некогда знаменитого „владыки“ было забыто или, вернее, сознательно замалчивалось в Новгороде. Когда в первой половине XV века архиепископ Евфимий II стал усиленно насаждать культ местных новгородских

¹ При жизни архиепископа Василия этой легенды, очевидно, еще не существовало: если бы белый клобук уже тогда считался „святым“, созданным „первым христианским царем“, то его не скоронили бы вместе с Василием. Д. Ф. Кобеко (Опыт исправления текста „Беседы о святых Царьграда“. Известия ОРЯС, кн. 3, 1897) и А. Д. Седелников (Vasilii Kalika. L'histoire et la legende. Revue des études Slaves, t. VII, 1927) относят возникновение легенды о белом клобуке ко времени Василия.

святы, что было отражением сепаратистских и антимосковских тенденций, оживившихся в Новгороде накануне падения его самостоятельности, архиепископ Василий не был включен в их число. Отсутствие в новгородском летописании каких-либо следов легенды о белом клобуке¹ также можно объяснить реформой новгородского летописания, проведенной тем же Евфимием II — ставленником боярко-литовской партии, который имел все основания стараться преуменьшить славу архиепископа Василия: отношение последнего к Москве было прямо противоположно политике Евфимия.² Поэтому, легенда о белом клобуке не вошла и не могла войти ни в одно из литературно-исторических и агиографических предприятий Евфимия II. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что и в своем первоначальном виде, до своей переработки в Повесть, эта легенда в Новгороде не считалась антимосковской даже в период последнего и наивысшего подъема сепаратистских тенденций среди новгородской правящей верхушки.

Отражение первоначальной легенды о белом клобуке, легшей в основу нашей Повести, можно усмотреть в мало исследованной Повести о Муромском острове.³

Повесть известна в двух редакциях; одна из них была напечатана трижды: архиепископом Амвросием,⁴ Е. П. Барсовым⁵ и митрополитом Филаретом,⁶ причем последний поместил вольный пересказ ее по двум спискам. Эта редакция и отразила, по нашему мнению, древнюю новгородскую легенду о белом клобуке. В ней сообщается, как основатель Муромского монастыря на Онежском озере Лазарь, был послан епископом Василием (в одном месте Повести этот епископ назван „Кесарийским“, а в другом „Царьградским“) в Новгород к архиепископу Василию „повесть сказати“ о белом клобуке.

Здесь два крупных несовпадения с Повестью о новгородском белом клобуке: во-первых, Лазарь посылается в Новгород не патриархом Филофеем, а каким-то „Царьградским“ епископом, во-вторых, в Повести о Муромском острове говорится, что Лазарь был послан в Новгород лишь с тем, чтобы рассказать Василию о происхождении белого клобука, и совсем не упоминается о принесении последнего.

Таким образом Повесть о Муромском острове в этой редакции, свидетельствуя о существовании легенды о клобуке архиепископа Василия, с Повестью о белом клобуке ничего общего не имеет.

Вторая, поздняя редакция, встречающаяся гораздо реже, наоборот, несет на себе отчетливые следы влияния Повести о новгородском

¹ Сбивчивые и противоречивые известия 2-й и 3-й новгородских летописей (ПСРЛ, т. III, стр. 140 и 225) и о даровании белого клобука архиепископу Василию являются несомненно позднейшими вставками, сделанными в разное время, так как они не согласованы ни между собой (во 2-й летописи эта вставка сделана под 6932 годом, а в 3-й — под 6893 годом), ни с контекстом летописи (дата приписки во 2-й летописи, например, расходится с годами правления архиепископа Василия на 72 года).

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 767—775.

³ Так названа она в двух, имеющихся в нашем распоряжении списках Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: рукопись XVII века собрания Михайловского, № 384 Q и рукопись середины XIX века собрания старообрядческого Волковского молитвенного дома, № 88. Существует еще два варианта заглавия этого произведения: „Житие“ и „Завещание“ Лазаря Муромского.

⁴ Амвросий. История российской иерархии. М., 1813, стр. 115—130.

⁵ Е. П. Барсов. Преподобный Лазарь Муромский. Олонецкие губернские ведомости, № 43, 1867.

⁶ Филарет. Русские святые, вып. I—IV. СПб., 1882, стр. 325—338.

белом клобуке. Лазарь в ней прибывает в Новгород вместе с епископом Евмением, упоминаемым в Повести, и приносит Василию белый клобук и подарки от патриарха Филофея.¹

В какой исторический момент, при каких обстоятельствах жизни Новгорода там вновь вспомнили легенду о клобуке архиепископа Василия? Естественно, что это могло произойти только лишь после присоединения Новгорода к Москве. Однако легенду о белом клобуке не просто вспомнили, а переработали в значительное по объему и содержанию литературно-публицистическое произведение, используя в нем ряд церковно-исторических, полемических и агиографических источников. Последнее говорит за то, что эта переработка была сделана в момент оживления литературной деятельности в Новгороде. Следующее после отмеченного при Евфимии II оживление литературной деятельности „владычного двора“ наблюдается в конце XV века, но тенденции новгородской письменности были теперь совершенно иными.

После присоединения Новгорода к Москве в новгородской литературе „широко развернулась... своеобразная идеологическая борьба за первенство в Русской земле (а не господство друг над другом)“, которая была следствием „тех чрезвычайно сложных взаимоотношений“, в которые вступили между собой культуры Новгорода и Москвы. Эта борьба, начавшаяся еще задолго до окончательного уничтожения новгородского „само управления“, приняла теперь „более церковные формы“, так как „великие князья делают в Новгороде архиепископов главными проводниками своей политики“.² Последнее целиком относится ко второму из назначенных Москвой в Новгород архиепископов — Геннадию.

В отличие от своего предшественника Сергия, своей надменностью и неуважением к новгородской старине восстановившего новгородцев против Москвы, Геннадий подчеркивал свое уважение к новгородским обычаям и, в частности, первым из московских архиереев стал носить традиционный белый клобук новгородского архиепископа. Инициатива использования местной новгородской легенды, связанной с происхождением этого головного убора, для пропаганды общерусских объединительных идей могла исходить только от Геннадия. Вместе с тем прекрасные знания новгородского фольклора, новгородской литературной традиции и довольно заметная доза местного новгородского патриотизма, обнаруженная автором Повести, чего нельзя приписать москвичу Геннадию, свидетельствует о том, что среди новгородских книжников, которых Геннадий привлек к своей интенсивной книжной деятельности, он нашел хорошего исполнителя своего замысла. Так, в содружестве архиепископа Геннадия и какого-то новгородского книжника и была составлена Повесть о новгородском белом клобуке. Вот почему еще в XVI веке инициативу создания Повести приписывали Геннадию, а исполнителем его замысла называли „Дмитрия Толмача“ — скорее всего новгородца Дм. Герасимова.

Составитель Повести о белом клобуке не только переработал в своем произведении древнюю легенду о диковинном головном уборе архиепископа Василия по типу широко распространенных в Новгороде

¹ Филарет в своем издании пересказал эту вторую редакцию по рукописи Ундольского. Об обеих редакциях имеется также сообщение А. П. Воронова на собрании Общества любителей древней письменности (Памятники древней письменности, т. СХI, 1895, стр. 31—32).

² См.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 369.

легенд о „гонимых святынях“,¹ но придал этому сюжету новый политический смысл. Белый клобук в Повести не просто „гонимая святыня“, а эмблема высшей духовной власти, переходящая сначала из Рима в Византию, а потом — из Византии на Русь. Оба этапа его миграции обоснованы в Повести конкретными историческими событиями: первый — отпадением римской церкви от „истинного православия“ из-за аполинаризма, второй — захватом турками Константинополя. Факт прибытия клобука в Новгород осмыслен автором Повести как событие мирового исторического значения. Вместе с ним переходит на Русь не только духовное, но и политическое наследство „двух Римов“. В финале третьей части Повести, являющемся, как было уже отмечено, и композиционно и по содержанию кульминационным пунктом всего произведения, автор восторженно, в самых патетических выражениях, говорит о величии и светлом будущем Русской земли, когда „все царства придут в конец и сникнут во едино царство Русское“, когда „даря русскому возвеличит господь над многими языки и под властью его многие царие будут от иноязычных“. „И страна та, — заключает автор Повести свой панегирик Русской земле, — наречется светлая Русия, богу тако изволившу тацеми благодарении прославити русскую землю и честнейшу сотворити паче первых сих“ (т. е. Рима и Византии).

Этот общерусский патриотизм, выразившийся в Повести о белом клобуке, не совместим с традиционной оценкой этого произведения как децентралистического и антимосковского.

Что же, однако, дало повод к этой традиционной оценке?

Прежде всего свойственное дореволюционным ученым преувеличение областнических тенденций памятников литературы феодальных центров древней Руси. Игнорируя наличие классовых противоречий в областных центрах, эти ученые даже не допускали возможности появления в памятнике областной литературы, тем более Новгородской, общерусских объединительных тенденций. И как Соболевский² и другие ученые во что бы то ни стало старались отыскать и преувеличить значение иноземных источников Повести, так Костомаров, Буслаев, Пыпин и за ними многие другие исследователи старались увидеть в этом произведении прежде всего областнические тенденции, игнорируя подчас не только содержание самой Повести, но и исторические факты.

Чтобы не быть голословными, приведем примеры.

В комментарии к изданию Повести Н. И. Костомаров уверяет, что целью этого произведения является „найти историческое оправдание домогательствам на независимость от митрополита“,³ т. е. стремление

¹ Сюжет миграции святыни очень рано появился в новгородской литературе. И это не случайно: многочисленные путешествия новгородцев в чужие края по торговым делам обусловили появление в новгородской литературе большого количества описаний путешествий — одного из самых древних жанров русской литературы. Еще в XII веке в одном из таких описаний путешествия можно усмотреть зарождение сюжета миграции святыни: новгородец Добрыня Ядрейкович привез с собой в Новгород из Палестины „гроб господень“. В дальнейшем в Новгороде возник ряд легенд о „гонимых святынях“, прибывающих на Русь из-за преследований либо „латин“ (легенда об Антонии Римлянине), либо „агарян“ (легенда о Тихвинской иконе божьей матери).

² В рецензии на книгу В. Н. Малинина „Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания“ (ЖМНП, № 12, 1901, стр. 487) А. И. Соболевский утверждает, что в основе Повести лежит рассказ „какого-то римлянина“ о пропавшей в 1485 г. папской тиаре. „Лет через сто, — пишет Соболевский, — этот текст был заменен другим, русского сочинения“, — так легко решает этот автор вопрос о происхождении Повести о белом клобуке.

³ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 301.

к автокефалии, чего никогда в Новгороде не наблюдалось. Ф. И. Буслаев заявляет, что Повесть о белом клобуке имеет своим предметом возвеличение духовного превосходства Новгорода над Москвой,¹ в то время как в Повести нет ни одного слова, дающего основание в такому заключению. А. Н. Пыпин, которого смутило то обстоятельство, что в Повести не названа Москва, пишет: „Говоря о третьем Риме, автор Повести как будто (разрядка моя, — Н. Р.) хотел навести читателя на мысль, что этим Римом должен быть Новгород“.² Эти столь слабо аргументированные высказывания о Повести авторитетных для своего времени историков и литературоведов и являются источниками традиционной оценки Повести о белом клобуке, которая еще иногда проявляется и в работах советских литературоведов.³

Историческая ситуация, сложившаяся вскоре после составления Повести о белом клобуке, обусловила возможность появления различных переработок этого произведения — его новых редакций. Кроме того, само содержание Повести, затронувшее ряд актуальнейших для всего XVI века политических проблем, давало повод к ее многочисленным переделкам.

Инициатор создания Повести — архиепископ Геннадий, один из крупнейших представителей высших слоев русского духовенства конца XV века, по своему происхождению и имущественному положению крепко связанный со старым московским боярством,⁴ затронул в Повести вопрос о превосходстве духовной власти над светской. Будучи официальным представителем Москвы в Новгороде и ревностным проводником московской политики, за которым, однако, подозрительно и пристально следили из Москвы, — Геннадий затронул этот вопрос очень осторожно. В первой пространной редакции Повести всего только две фразы касаются этой острейшей для всего XVI века проблемы. Основание новой столицы Византийской империи мотивируется в Повести следующей, буквально взятой из Псевдоконстантиновой грамоты фразой: „идеже святительская власть и христианского благочестия глава небесным царем уставлена бысть, не достойно там иметь власть земному царю“. В другом месте, — там, где речь идет о величии и светлом будущем Руси и проводится аналогия между белым клобуком и „царским венцом“, данным „русскому царю“ также из Византии и также царем Константином (Мономахом), — прямо говорится, что святительский клобук „честнее“ царского венца, „понеже архангельского чина царский венец есть и духовного суть“.

Такое сопоставление в условиях вспыхнувшей в начале XVI века борьбы вокруг вопроса о секуляризации церковной собственности было

¹ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки народной словесности и искусства, т. II, стр. 274.

² А. Н. Пыпин. История русской литературы, стр. 344.

³ Так, например, Д. С. Лихачев, посвятивший ряд своих работ „истории развития национального самосознания древней Руси“, в которых подверг тщательному анализу и переосмыслению ряд памятников новгородской литературы второй половины XV века, считает Повесть о белом клобуке „отголоском идей боярско-литовской партии в церковной трансформации“ (Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Л., 1945, стр. 92).

⁴ Скучные сведения о раннем периоде жизни Геннадия дают основания предполагать его знатное происхождение: известно, например, что он владел вотчинами (Геннадий подарил несколько сел и деревень Волоколамскому монастырю), в Степенной книге он назван „мужем сановитым“. Многочисленные вклады Геннадия в Чудов монастырь, субсидирование им из собственных средств строительства в Новгороде, богатые подарки исковичам — все это свидетельствует о богатстве Геннадия.

очень выгодно для „стяжателей“. И, вероятно, кем-то из них слабо намеченная (если не сознательно затушеванная) в Повести идея превосходства духовной власти над светской была акцентирована путем включения в Повесть больших отрывков Псевдоконстантиновой грамоты. Это было сделано грубо, явно наспех, без „подгонки“ вставленных кусков под содержание и стиль Повести. Так, самая большая и наиболее важная по своему идейно-политическому содержанию вставка даже и вводится во второй пространной редакции словом „и паки“ (и еще), т. е. носит совершенно явный характер дополнения, позднейшей вставки. Так появилась на свет вторая пространная редакция, не получившая широкого распространения, о чем свидетельствует небольшое количество дошедших до нас ее списков.

Непопулярность второй пространной редакции можно объяснить только ее слишком явной и узкой направленностью — подтвердить неприкосновенность имущественных прав церкви. Да и сами „отцы церкви“ в своих спорах со светской властью предпочитали ссылаться на первоисточник — на Псевдоконстантинову грамоту, минуя ее неуклюжую компиляцию с новгородской повестью.¹

Несколько большее распространение получил сокращенный вариант второй пространной редакции — так называемая краткая редакция Повести о белом клобуке. Остановимся на ней более подробно, так как, во-первых, с „легкой руки“ Н. И. Субботина эта редакция до сих пор принимается за первоначальную, древнюю редакцию Повести, а во-вторых, усиление в этой редакции проновгородской тенденции повлияло на традиционную оценку идейно-политического содержания Повести. Имеется два варианта этой редакции: один из них, более близкий ко второй пространной редакции, условимся называть „первоначальным“ вариантом (он представлен 13 списками); другой, представленный 52 списками, назовем „основным“ вариантом, основной группой текстов краткой редакции.

Из списков первоначального варианта краткой редакции самым древним является список конца XVI — начала XVII века, находящийся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в собрании Вяземского (Вяз. LV-0); этот же список является самым исправным и наиболее близким к протографу. К основной группе текстов краткой редакции относятся наиболее древние списки Повести о новгородском белом клобуке: два списка середины XVI века и три списка конца XVI века.² Оба варианта краткой редакции начинаются фразой: „По явлении святых апостолов святейший папа (в первоначальном варианте добавлено „римский“, — Н. Р.) Селивестр, поучив царя от божественных писаний и крести его во имя отца...“ и т. д. Такая фраза вряд ли вообще может быть началом самостоятельного произведения, так как ясно говорит о каком-то предшествующем и известном автору и читателю событии, отсылает к какому-то перво-

¹ На Псевдоконстантинову грамоту есть ссылки в „Соборном ответе“ Ивану III, 1503 года, в ответе митрополита Макария Ивану IV „о недвижимых церковных вещах“ (выписка из него вошла в 60-ю главу Стоглава), а также в „Слове кратком“, в защиту церковных имуществ, инициативу создания которого некоторые исследователи приписывают арх. Геннадию [например А. Д. Седельников в статье „К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина“ (Известия ОРЯС, т. XXX, 1926)]. Ср. выше: статья А. А. Зимина, стр. 166.

² Это обстоятельство может быть сильным аргументом в пользу старшинства краткой редакции (чего, кстати сказать, не отметил никто из исследователей), если не учитывать идейно-политическое содержание краткой редакции.

источнику. А что этим первоисточником является какая-то из пространных редакций, несомненно уже потому, что начало этой фразы буквально взято из них.¹ И в дальнейшем сокращенный пересказ „своими словами“ истории белого клобука в краткой редакции постоянно перебивается отдельными выражениями и целыми цитатами, взятыми без изменения из пространных редакций. При этом до появления в Повести царя Константина и папы Формоса оба варианта краткой редакции почти буквально совпадают; после этого в первоначальном варианте имеется ряд подробностей, буквально взятых из второй пространной редакции Повести, отсутствующих в основном варианте.

В краткой редакции оказались сокращенными или просто пропущенными многие эпизоды из первой и второй частей Повести, где речь идет о событиях в Риме и Византии. Вместе с этими эпизодами оказалось за пределами этой редакции и то место, в котором сформировано идейно-политическое содержание Повести (видение патриарха), вследствие чего идея „третьего Рима“ в этой редакции намечена весьма слабо.

Из-за пропуска ряда эпизодов, в том числе рассказа о болезни и смерти ненавистника Руси—римского папы, сведена почти на нет также антикатолическая тенденция Повести. Что же осталось из Повести о новгородском белом клобуке в этой редакции?

На этот вопрос прямо отвечает вставка, обнаруженная нами в семнадцати списках основной группы текстов краткой редакции, в конце Повести, перед ее последней фразой: „Разумеете же отцы и братия, яко по божию изволению отъята бысть честь, и православие искоренися в Риме, и предано великому Новуграду и во всю русскую землю распространися и утвердися христова православная вера; сей бо белый клобук сотворен в Риме царем Константином папе Сильвестру от духа свята тричастно по чину святых Троицы“ и т. д. Эта вставка, резюмирующая содержание краткой редакции Повести, ясно говорит, что целью автора этой редакции было доказать церковное главенство Новгорода, через который якобы на Руси распространилось „истинное православие“, и дать краткую историческую справку о новгородской церковной реликвии—белом клобуке новгородского архiereя.

Итак, к краткой редакции в какой-то степени может быть отнесен традиционный взгляд на Повесть как на произведение проновгородское, ставившее своей целью доказать первенствующее положение новгородской кафедры в русской церкви. В ней не осталось почти ничего от того высокого общерусского патриотизма, которым насыщена Повесть о белом клобуке в своей первоначальной редакции. Появление краткой редакции можно связать с усилившимися в середине XVI века сепаратистскими тенденциями новгородского боярства, которым суровая рука Ивана Грозного нанесла в 1570 году сокрушительный удар. Поэтому-то краткая редакция и была скоро забыта.

Краткая редакция подверглась в свою очередь значительному сокращению, в результате которого появилась „кратчайшая“ редакция повести, известная нам в семи списках XVII—XVIII веков.

¹ В одном списке краткой редакции первой половины XVII века (БиЛ, Фунд. 195) переписчик отметил: „слышах убо, яко сие перечень, а истинное начало о клобуке, о нем же, сице пишет: от истории римские веления царска“. Следовательно, уже тогда было известно, что краткая редакция—всего лишь пересказ („перечень“) пространной, а не ее первоисточник.

Кратчайшая редакция — короткая историческая¹ справка, конспект краткой редакции Повести о новгородском белом клобуке. Лишь одна деталь отличает эту редакцию не только от краткой, но и от пространных редакций: в кратчайшей редакции внешний вид белого клобука описан так: „... устрои его (т. е. царь Константин клобук) камением драгим и жемчюгом, а округ его (вариант — „по оба полы“, — Н. Р.) дванадцать камней во образ дванадцати апостол, а посреди же его камень адамант (в одном из списков добавлено: „дражайшее тех двундцяти камней“)“.

Тщательность, с которой автор этой редакции удалил при переработке им краткой редакции всякий идейный и даже просто мотивирующий элемент, привела к тому, что здесь не ощущается даже и отмеченная нами в краткой редакции проновгородская тенденция, да и вообще трудно нащупать в этом сухом, коротком перечне фактов хоть какую-нибудь тенденцию. Этим и можно объяснить, что кратчайшая редакция по количеству списков стоит на последнем месте.¹

История о новгородском белом клобуке прожила долгую и интересную жизнь, которую можно разбить на два этапа — легендарный и литературный. Легенда о необычном головном уборе архиепископа Василия сложилась, вероятно, в конце XIV века, вскоре после его смерти. Мы не знаем, что представляла собой эта легенда, но ясно, что она не принадлежала к числу легенд, возвыщавших значение Новгорода, иначе она привлекла бы к себе внимание литературы, созданной новгородскими сепаратистами при архиепископе Евфимии II. То обстоятельство, что легенда о белом клобуке была переработана в обширное литературно-публицистическое произведение только в конце XV века, когда идейное направление книжной деятельности архиепископского двора в Новгороде резко изменилось, говорит за то, что в этой легенде не было ничего такого, что возвышало бы Новгород над Москвой. Эта переработка была сделана в замечательный и значительный период истории нашей страны: только что было сброшено татарское иго и начался процесс объединения Руси в централизованное государство; Русь освободилась и от многовековой идеологической зависимости — пала Византия, культура и идеология которой всегда оставались чуждыми русским людям. Все это естественно вызвало подъем национального самосознания.

Отсюда — основная идея повести о белом клобуке, идея духовного превосходства Руси над двумя мировыми политическими центрами: „ветхим“ католическим Римом, к которому русский народ, особенно новгородцы, навсегда запомнившие немецких „псов-рыцарей“ питал издавна ненависть, и „новым Римом“, разложившимся из-за междоусобиц, соединившимся с католичеством и, наконец, стертym с политической карты средневековой Европы.

Кроме этой, главной идеи повести, в ней слабо, но, пожалуй, впервые в истории русской публицистики отразилась идея превосходства

¹ Среди многочисленных списков Повести о белом клобуке есть два, датируемые началом XVIII века, не совпадающие ни с одной из охарактеризованных редакций. Список Забелина № 495 — компиляция, составленная на основе какого-то варианта Жития Константина и краткой редакции. Список Забелина № 508 является вариантом первоначального варианта краткой редакции, отличаясь от него более подробным и более аргументированным пересказом всего происходящего, что и не позволяет отнести этот список целиком к краткой редакции и в какой-то степени по манере изложения приближает его ко второй пространной редакции.

духовной власти над светской, которая была логическим выводом из идеи „третьего Рима“: раз политическое могущество Руси обусловлено тем, что в ней сохраняется „истинная вера“, то, стало быть, „святейший“ клобук „честнее“ царского венца. Эта идея была подхвачена и акцентирована в первой по времени переработке Повести — во второй пространной редакции. В ее сокращенном варианте, так называемой краткой редакции, искусственно, путем удаления всего общерусского элемента, была усилена проновгородская тенденция — след и свидетельство составления первоначальной редакции Повести новгородским книжником. Обе эти переработки, сделанные представителями определенных социальных группировок (первая — воинствующих церковников, вторая — новгородских сепаратистов) не получили широкого распространения. Последняя из них, так называемая краткая редакция повести, создав этому произведению репутацию антимосковского и децентралистического, ограничила возможность распространения его в Москве после новгородских походов Ивана Грозного. Однако интерес к Повести о белом клобуке не исчез: в середине XVI века к ней была присочинена „Посыльная грамота Дмитрия Толмача“ — исторически первая попытка выяснить происхождение этого произведения. То, что в Посыльной грамоте говорится о „благосостоянии“ Русской земли и о „чудотворцах“, в ней „просиявших“, свидетельствует о том, что она была составлена в Москве, в период массовой канонизации русских святых (1547—1549).

XVII век был временем широкого, повсеместного распространения Повести о белом клобуке. Причины этого явления могут быть выяснены только специальным исследованием судьбы Повести в новых исторических условиях, поэтому здесь мы выскажем лишь некоторые предположения по данному вопросу.

Во-первых, в XVII веке Повесть не была чужда высшему русскому духовенству, в то время как в XVI веке она упорно замалчивалась официальной историографией и агиографией (она не попала ни в Четьиминеи, ни в Степенную книгу, ни в один из летописных сводов). В списках XVII века Повесть встречается в нескольких случаях в хронографе различных редакций, ее цитирует в споре с греческими иерархами Арсений Суханов и цитирует как раз то место, где выражена основная идея этого произведения.¹ Но основной средой распространения Повести были отнюдь не церковные верхи: ее, например, полностью игнорировал патриарх Никон, впервые опубликовавший полный текст Псевдоконстантиновой грамоты в своей Кормчей.² Зато это произведение было широко использовано противниками Никона — новой и мощной оппозицией внутри русской церкви, основные кадры которой составляли представители низшего духовенства. В послании протопопа Аввакума к царю Алексею Михайловичу „О греческих властях и о вере их нынешней“ прямо говорится, что у них „изсяче благочестие“, как о том писано „во истории о белом клобуке“.³ Старообрядцам нужна была антивизантийская тенденция Повести, дискредитация авторитета греческой церкви, к которому прибегли и Никон, исправляя книги по греческим оригиналам, и царь Алексей Михайлович, призвав в качестве

¹ Этот отрывок распространялся с конца XVII века самостоятельно, отдельно от Повести, получив даже самостоятельное заглавие (см. Приложение I, стр. 217).

² Никон несомненно знал Повесть, один из списков которой содержится в рукописи, пожертвованной им в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь (ГИМ, Синод. 272).

³ РИБ, т. XXXIX, стр. 760.

судей над Никоном „вселенских“ патриархов. Поэтому собор 1667 года, низложивший Никона, отверг и Повесть о белом клобуке, назвав ее „живой и неправой“, написанной Дмитрием Толмачем „от ветра главы своя“.

Однако популярность Повести о белом клобуке в XVII веке нельзя объяснить только тем, что ее использовала в своих интересах внутрицерковная оппозиция. Многосторонность идейно-политического содержания этого произведения за все долгое время его существования давала возможность различным социальным группировкам — как церковным, так и светским — использовать Повесть в своих интересах. Но при всех переделках основная идея этого произведения — идея величия Руси и ее духовного преимущества перед „ветхим“ и „новым“ Римом, обусловившего политическую мощь и мировое значение Русского государства, — оставалась неизменной. Эти переделки акцентировали лишь некоторые второстепенные, „побочные“ тенденции Повести. После ликвидации „смуты“ и иностранной интервенции, шедшей под знаменами воинствующего католицизма, — новгородская повесть, стала достоянием русской литературы в своем первоначальном виде, без различных „наслоений“ XVI века. Отсюда — большая популярность Повести в первой половине XVII века, до реформ Никона и раскола, засвидетельствованная таким большим количеством ее списков этого времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Библиография списков Повести о новгородском белом клобуке¹

В настоящей библиографии списки Повести распределены по редакциям. Перечень списков каждой редакции начинается со списка, принятого за основной, наиболее близкого к архетипу, за которым следуют остальные в порядке, соответствующем возрастающей степени их разночтений с основным.

В первой пространной редакции списки сгруппированы следующим образом: списки, наиболее близкие к основному, выделены в особую, архетипную группу и перечисляются вслед за основным в хронологическом порядке; остальные списки по совпадению разночтений с основным разделены на 18 групп. Внутри групп списки расположены так: вначале идет список, наиболее близкий к предыдущей группе, за ним следуют остальные, расположенные по степени их близости друг к другу, и последним обозначен список, примыкающий к следующей группе. Эти группы расположены вслед за архетипной группой также по мере увеличения разночтений входящих в них списков с основным. За списками, объединенными в группы, следуют индивидуальные списки и варианты первой пространной редакции.² Наиболее много-

¹ В настоящую библиографию включены только те списки, имеющиеся в книгохранилищах Москвы и Ленинграда, которые были подвергнуты тщательному анализу. Списки, с которыми нам удалось познакомиться в Киеве, Калинин, Ростове, Новгороде и Пскове, ничего нового в вопрос о редакциях Повести не вносят (это в подавляющем большинстве — списки XVII века первой пространной редакции).

² Отдельные части и отрывки первой пространной редакции, оформленные как самостоятельные произведения, приведены и аннотированы в конце настоящей библиографии.

численные группы и некоторые индивидуальные списки первой пространной редакции кратко аннотированы.

Списки краткой редакции перечисляются без аннотации; при этом списки первоначального варианта разделены по совпадению разночтений на десять групп, за которыми следуют в хронологическом порядке списки, не поддающиеся группировке.

Каждый список обозначен в данной библиографии следующим образом: после порядкового номера указаны его местонахождение,¹ шифр, датировка, вид рукописи, в которой находится данный список (сборник, отдельная рукопись и т. д.), и листы, на которых начинается и кончается данный список. В обеих пространных редакциях, кроме того, указан состав данного списка (наличие или отсутствие Посыльной грамоты Дмитрия Толмача и Написания архиепископа Геннадия). Списки, вновь обнаруженные, обозначены звездочкой.²

1. ПЕРВАЯ ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ

Архетипная группа

1. ГПБ, собр. Археол. общ. 22, нач. XVII в., отд. — Посыльная грамота, рукопись Повесть (основной список).
2. ГИМ, Увар. 1686 (101), XVI—XVII в., отд. рукопись — Посыльная грамота, Повесть.
3. БиЛ, Муз. (Больш.) 313, нач. XVII в., сборн., — То же.
4. *ГПБ, Солов. 865 (965), нач. XVII в., сборн., лл. 380—415 — Посыльная грамота, Повесть, Написание.
5. ГПБ, Погод. 1619, XVII в., сборн., лл. 56—87 об. — Посыльная грамота, Повесть.
6. БиЛ, Муз. 1549, сер. XVII в., сборн., лл. 166—203 — То же.
7. ГИМ, Синод. 390, XVII в., отд. рукопись — Посыльная грамота (дефект), Повесть.
8. ГИМ, Увар. 542 (1073/418), XVII в., сборн. лл., 492 об. — 530 — Посыльная грамота, Повесть.
9. ГИМ, Синод. 456, сер. XVII в., сборн., лл. 493—509 — То же.
10. БАН, 21.8.7 (сев. 677), к. XVII в., сборн., лл. 96—155 — Посыльная грамота, Повесть, Написание.
11. БАН, 34.4.1, к. XVII в., хронограф, лл. 664 об.—681 — Посыльная грамота, Повесть.
12. ГИМ, Барс. 425, к. XVII в., сборн., лл. 126—147 об. — То же.
13. ГИМ, Увар. 619 (1931) (448), перв. пол. XVIII в., сборн., лл. 100—113 — Посыльная грамота, Повесть, Написание.
14. ГПБ, Q.1-683, к. XVIII в., сборн., лл. 1—15 об. — Посыльная грамота, Повесть (без конца).

Первая группа

15. ГПБ, Q.1-262, XVII в., сборн., лл. 38 об.—70 об. — Посыльная грамота, Повесть.
16. ГПБ, Q.1-1409, к. XVI в., сборн., лл. 394—423 — То же.
17. ГПБ, Q.1-984, нач. XVII в., святцы, лл. 263—291 об. — То же.
18. ГИМ, Синод. 389, XVII в., отд. рукопись — То же.

¹ Нами употреблены следующие условные обозначения книгохранилищ, в которых имеются списки Повести: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — ГПБ, Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина — БиЛ, Библиотека Академии Наук СССР — БАН, Государственный Исторический музей — ГИМ, Архив Института истории Академии Наук СССР (Ленинградское отделение) — ИИ.

² В „Библиографии древнерусской повести“ В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (Л., 1940) эти списки не учтены.

19. ГИМ, Вахрам. 415, XVIII в., отд. рукопись — Повесть, Посыльная грамота.
 20. ГПБ, Погод. 1558, XVII в., сборн., лл. 195—206 — Посыльная грамота, Повесть.
 21. ГПБ, Q.XVII-186, XVII в., сборн., лл. 99—139 — Повесть, Посыльная грамота.
 22. ГПБ, ОЛДП 50 (1886), F. XVII в., сборн., лл. 167 об.—182 — Повесть.
 23. ГИМ, Муз. 2657, XVII в., сборн., лл. 268—301 — Посыльная грамота, Повесть.
 24. ГПБ, Вяз. F. XVI XVIII в., сборн., лл. 601—608 — Повесть.
 25. ГИМ, Увар. 1547 (160), нач. XIX в., выписки из рукоп. книг, лл. 261—268 — То же.

Списки первой группы распадаются по совпадению разночтений на две подгруппы: списки 16—19 и списки 20—25. К этой группе относится список, опубликованный Костомаровым и Кожанчиковым (список 15); к ней же близок вариант № 1 (список 118).

Вторая группа

26. ГПБ, F. IV-679, к. XVII в., хронограф, лл. 466—472 — Повесть, Посыльная грамота.
 27. БАН, 33.13.21, к. XVII в., сборн., лл. 1—28 — Повесть.
 28. ГПБ, F. IV-835, втор. пол. XVII в., хронограф, лл. 384—393 — Повесть, Посыльная грамота.

Для списков этой группы характерно перемещение Посыльной грамоты (она идет после Повести). По разночтениям списки этой группы близки к предыдущей и к последующей, что ставит вторую группу в положение связующего звена между первой и третьей группами.

Третья группа

29. ГПБ, Вяз. CXV-Q, 1744 г., сборн., лл. 1—23 об. — Посыльная грамота, Повесть.
 30. ГПБ, ОЛДП, 176-Q, XVIII в., отд. рукопись — То же.
 31. БАН, 17.8.25*, 1793 г., Новгородская летопись, лл. 216—240 об. — То же.
 32.*ГПБ, Тихан. 502, XVIII в., отд. рукопись — То же.
 33. ГПБ, F. II-76, XVIII в., сборн., лл. 1—20 — То же.
 34. ГПБ, СПб. дух. акад. 304, XVIII в., сборн., лл. 314—347 об. — То же.
 35.*ИИ, Лихач. 40, к. XVII в., сборн., лл. 131—167 — То же.
 36.*ГПБ, Новгор. дух. семинария, 6818, XVIII в., отд. рукопись — То же.
 37. БнЛ, Рум. 91, XIX в., отд. рукопись — То же.
 38. ГИМ, Муз. 1574, XVII в., сборн., лл. 1—24 — Посыльная грамота, Повесть (без конца).
 39.* ИИ, Лихач. 83, XVII—XVIII в., сборн., лл. 1—15 — Посыльная грамота (без начала), Повесть.

Списки этой группы распадаются на две подгруппы: списки 29 и 30, близкие к предыдущей группе (к сп. 28), и списки 31—39. Особенно близки между собой списки 32—34, вплоть до лексических особенностей (например, вместо слова „болячка“ в этих списках употребляется слово „вред“). К ним близки списки 35—37, отличающиеся особенной безграмотностью, доходящей до извращения смысла и содержания отдельных мест Повести: в них, например, вместо „и страна та наречется светлая Россия“ написано: „и срамота наречется светлая Россия“, и т. п.

Четвертая группа

40. ГПБ, Титов. 1244 (1732), XVIII в., сборн., лл. 112—123 — Посыльная грамота, Повесть (без конца).
 41.* ГПБ, Колоб. 398, XVIII в., отд. рукопись — Посыльная грамота, Повесть (начало).

Оба эти дефектные списка, очень близкие друг к другу, восходят к двум предыдущим группам, но отличаются от них множеством мелких разночтений и вставок.

Пятая группа

42. БиЛ, Рум. 1837, нач. XVII в., сборн., лл. 129—161	— Посыльная грамота, Повесть, Написание (начало).
43.* ГПБ, Q.I-254, сер. XVII в., сборн., лл. 256—293 об.	— Повесть, Написание (начало), Посыльная грамота.
44. БиЛ, Муз. 10467, XVIII в., сборн., лл. 268—329 об.	— Повесть, Написание (начало).
45. ГИМ, Муз. 2990, к. XVII в., сборн., лл. 87—115 об.	— Посыльная грамота, Повесть.
46.* ГПБ, Мих. 261, Q. XVI—XVII в., отд. рукопись	— Посыльная грамота, Повесть, Написание (начало).
47. ГПБ, Погод. 1576, XVII в., сборн., лл. 108—146 об.	— Повесть, Написание (начало), Посыльная грамота.
48. ГИМ, Увар. 610 (1837) (413), XVII в., сборн., лл. 202 об.—240	— Посыльная грамота, Повесть.
49. ГИМ, Забел. 439, к. XVII в., сборн., лл. 1—35 об.	— То же.
50. ГПБ, 0.1-354, XVIII в., сборн., лл. 158—175 об.	— То же.
51. БиЛ, Муз. 162, XVII в., сборн., лл. 538—553 об.	— Повесть (без начала), Написание (полностью).

Списки этой группы распадаются на три подгруппы: списки 42—45, 46—48, 50 и 51. Связующим звеном этих подгрупп является список 46. Для всех списков этой группы (кроме списков 50 и 51) характерно наличие начала Написания, обрывающегося на полудфразе.

Шестая группа

52. БиЛ, Муз. (Больш.) 260, XVII в., сборн., лл. 87—101	— Посыльная грамота, Повесть, Написание (начало).
53. ГИМ, Забел. 467, к. XVII в., сборн., лл. 224—271	— Посыльная грамота, Повесть, Написание (без конца).

Оба эти списка, близкие к предыдущей группе, отличаются довольно многочисленными мелкими пропусками, инверсиями и, главное, безграмотностью, приводящей порой к бессмыслице. Например, в списке 52 все царства „снидуются в царство римское“, вместо „русское“ и т. д.

Седьмая группа

54. ГПБ, Погод. 1610, XVII в., сборн., лл. 1—41 об.	— Посыльная грамота, Повесть.
55. ГПБ, Соф. 1466, XVII в., сборн., лл. 519—558 об.	— То же.
56. ГИМ, Муз. 3123, XVIII в., сборн., лл. 214—243	— Повесть.
57. ГПБ, Титов. 1529 (56), XVIII в., сборн., лл. 111—130 об.	— Повесть.
58. ГИМ, Увар. 1819 (538), XVII в., сборн., лл. 24—46 об.	— Посыльная грамота, Повесть.
59. БАН, Д-361 (Ант. Сийск. № 21), XVII в., Апокалипсис, лл. 167—207	— То же.
60. ГПБ, ОЛДП 69 (1893), Q. XVII в., отд. рукопись	— То же.
61. БиЛ, Тихонр. 227, 1623 г., сборн., лл. 270 об.—298 об.	— То же.
62. ГИМ, Муз. 1907, XVII в., сборн., лл. 3—55	— Повесть.
63. ГПБ, Титов. 1506 (1512), XVIII в., сборн., лл. 99 об.—140 об.	— То же.

Списки этой группы имеют оригинальное заглавие Посыльной грамоты: „Написание (в списке 61 „Предисловие“) о белом клобуке о новгородском“. Из числа списков этой группы можно выделить подгруппы: списки 54—59 и списки 60 и 61 (связующим между этими подгруппами является список 57). К этой группе близок один из индивидуальных списков (список 113).

Восьмая группа

64. БАН, 16.15.8, нач. XVIII в., сборн., лл. 1—40 об.	— Посыльная грамота, Повесть (без конца).
65. БяЛ, Рум. 2521, нач. XVII в., сборн., лл. 212—256	— Посыльная грамота, Повесть.
66. БяЛ, Тихонр. 396, XVII в., сборн., лл. 296—331	— То же.
67. ГИМ, Синод. 593, сер. XVII в., сборн., лл. 322—364	— Повесть, Посыльная грамота.
68. ГИМ, Синод. 272, сер. XVII в., сборн., лл. 485—509	— Посыльная грамота, Повесть.
69. БяЛ, Унд. 525, нач. XVIII в., отд. рукопись	— Повесть.
70. ГПБ, Q.XVII-114, XVII в., сборн., лл. 5—24 об.	— То же.
71. БяЛ, Унд. 603, XVII в., сборн., лл. 163—218 об.	— То же.
72. ГИМ, Барс. 380, XVII в., сборн., л. 111—140 об.	— То же.
73. ГИМ, Барс. 1551, XVII в., сборн., лл. 1—44	— То же.
74. ГИМ, Увар. 66 (1872), нач. XVIII в., сборн., лл. 332—345 об.	— То же.

Списки этой группы распадаются на две подгруппы: списки 64—69 (в этой подгруппе особенно близки между собой списки 64, 66, 69) и списки 71—74. Связующим между этими списками является список 70 — наиболее индивидуальный список этой группы.

Девятая группа

75.* ГПБ, Волк. 88 (56/1940), XVIII в., сборн. („Цветник“), лл. 233—271	— Повесть, Написание.
76. БАН, 23.1.12., к. XVIII в., сборн., лл. 137—207	— То же.
77. БяЛ, Унд. 300, к. XVIII в., сборн., лл. 136—162	— То же.
78. ГИМ, Востряк. 1163, к. XVIII в., сборн., лл. 5—24 об.	— То же.
79.* БАН, Успенск. 135, к. XVIII в., сборн., лл. 129—151	— То же.
80. ГИМ, Муз. 2850, к. XVIII—нач. XIX в., сборн., лл. 156—186 об.	— То же.
81. ГИМ, Муз. 2955, нач. XIX в., сборн., лл. 19—43 об.	— То же.
82. ГПБ, Q.I-1170, сер. XIX в., сборн., лл. 1—66 об.	— То же.

Все списки этой группы, которые можно разбить на две подгруппы — списки 75—78 и списки 79—82, находятся в сборниках старообрядческого происхождения (в них имеются разные полемические статьи — прения диакона Феодора, „о сложении перстов“, Соловецкая челобитная и др., а также жития Аввакума, Епифания, Лазаря и др.). Характерным для списков этой группы является отсутствие Посыльной грамоты и наличие полного текста Написания архиепископа Геннадия. Последний список этой группы — лицевой; он содержит 24 довольно примитивные иллюстрации.

Десятая группа

83. ГИМ, Востряк. 206, XVIII в., сборн., лл. 1—24.	— Повесть, Написание (начало), Посыльная грамота (без конца).
84. БяЛ, Унд. 1102, 1759 г., сборн., лл. 186—204	— Повесть, Посыльная грамота.
85. ГПБ, Погод. 1349, XVIII в., сборн., лл. 282—305	— Посыльная грамота, Повесть.

Для списков этой группы характерно наличие нескольких вставок из второй пространной и краткой редакций, что дает основание предположить, что переписчик протографа списков этой группы имел в своем распоряжении и первую и вторую пространные редакции.

Одиннадцатая группа

86. ГПБ, Титов. 1897 (76), XVII—XVIII в., сборн., лл. 92—95 — Отрывок (конец Повести).
 87. ГИМ, Увар. 795 (2067), XVIII в., сборн., лл. 84 — Посыльная грамота, об.—104 об. Повесть.
 88.* БАН, Успенск. 65, к. XVIII—нач. XIX в., сборн., — То же. лл. 48—68

Для списков этой группы характерно оригинальное заглавие Посыльной грамоты: „Отписка от Дмитрия грека из Рима ко архиепископу Геннадию великаго Новаграда и Пскова“.

Двенадцатая группа

89. ГИМ, Муз. 481, к. XVII в., сборн., лл. 48—74 — Посыльная грамота, Повесть.
 90. ГИМ, Забел. 464, XVII—XVIII в., сборн., лл. 18—45 — То же.
 91. ГПБ, Q.XVII-264, к. XVIII в., сборн., лл. 3—33 об., 103—106 об. — Посыльная грамота (без конца), Повесть (без конца).

Эти списки имеют оригинальное начало заглавия Повести: „История римская сиречь Повесть zelo чудна. Написано вкратце...“, и далее, как обычно.

Тринадцатая группа

- 92.* ГПБ, Мих. 262-Q, нач. XVIII в., отд. рукопись — Посыльная грамота, Повесть (без конца).
 93. БАН, 38.5.37, XVIII в., сборн., лл. 4—21 — Посыльная грамота, Повесть.
 94. ГИМ, Увар. 355 (21), к. XVIII в., сборн., лл. 165—191 — То же.

Четырнадцатая группа

95. ГПБ, Погод. 1294, к. XVII в., сборн., лл. 420 об.—443 об. — Посыльная грамота, Повесть.
 96. ГПБ, Погод. 1612, XVII в., сборн., лл. 161 об.—189 об. — То же.

Пятнадцатая группа

97. ГИМ, Муз. 1428, XVII в., сборн., лл. 66—93 — Посыльная грамота, Повесть.
 98. ГПБ, Q.XVII-184, XVII в., сборн., лл. 95—125 об. — Посыльная грамота, Повесть (без начала).

Шестнадцатая группа

- 99.* ГПБ, Погод. 1465, к. XVII в., хронограф, лл. 109—149 — Посыльная грамота, Повесть.
 100. ГПБ, Q.XVII-5, нач. XVIII в., сборн., лл. 1—54 об. — То же.

Семнадцатая группа

101. ГПБ, Титов. 2075 (523), XVIII в., сборн., лл. 152—273 — Написание (начало), Посыльная грамота, Повесть (без заглавия).
 102. БАН, 33.17.32, к. XVIII в., сборн., лл. 74—94 об. — Написание, Посыльная грамота, Повесть.

Особенностью списков этой группы, отличающихся от остальных множеством дополнений, вставок, инверсий и совершенно видоизмененным (сокращенным) концом Повести, является употребление начала Написания (тот же самый кусок, что и в некоторых списках пятой группы) в качестве заглавия всего произведения.

Восемнадцатая группа

103. БиЛ, Тихонр. 552, к. XVII в., сборн., лл. 1—36 — Посыльная грамота,
Повесть.
104. ГИМ, Щук. 91, к. XVII—нач. XVIII в., отд. рукопись — То же.

Разночтения этих двух списков с основным, вначале значительные, к концу сходят на нет.

Индивидуальные списки

105. ГПБ, Титов. 1503 (78), XVII в., сборн., лл. 39—62 об. — Посыльная грамота,
Повесть.
106. ГПБ, 0.1-1021, XVII в., сборн., лл. 294—322 об. — Повесть.
107. БиЛ, Муз. 613, сер. XVII в., Степенная книга, — Посыльная грамота,
Повесть.
108. ГИМ, Муз. 2872, к. XVII в., сборн., лл. 337—367 — То же.
109. ГИМ, Увар. 522 (1930) (437), к. XVII в., сборн., — То же.
лл. 68—110
110. БАН, Д-279 (Арханг. сем. № 131), к. XVII в., сборн., — То же.
лл. 187—210
111. ГПБ, Ф. XVII-15, к. XVII—нач. XVIII в., сборн., лл. 38 — То же.
об. — 54
112. ГИМ, Муз. 3958, XVIII в., сборн., лл. 1—36 об. — Посыльная грамота,
Повесть, Написание,
113. ГИМ, Барс. 448, XVIII в., отд. рукопись — Посыльная грамота,
Повесть,
Написание.
114.* ГПБ, Волк. 116, 1824 г., сборн., лл. 78—106 — Посыльная грамота,
Повесть, Написание.
115. ГИМ, Муз. 2097, сер. XVIII в., сборн., лл. 62 об.—77 об. — Повесть.
116. ГИМ, Барс. 1625, к. XVIII в., сборн., лл. 94—111 об. — Повесть (с большим
пропуском в сере-
дине).
117.* ИИ, Лихач. 58, XVII в., сборн., лл. 324—329 об. — Посыльная грамота,
Повесть (начало).

Варианты

118. БиЛ, Муз. 2522, XVII в., сборн., лл. 160—174 — Посыльная грамота,
Повесть.
119. ГИМ, Муз. 3610, XVII в., отд. рукопись — Посыльная грамота,
Повесть, Написание.
120. ГИМ, Муз. 2506, XVII в., сборн., лл. 122 об.—129 — Посыльная грамота,
Повесть.
121. ГИМ, Муз. 2909, 1806 г., сборн., лл. 573—607 — Повесть, Написание.
122. ГИМ, Епарх. 652, XIX в., отд. рукопись — Посыльная грамота,
Повесть, коммента-
рий.

II. ВТОРАЯ ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ

- 123.* ГПБ, Тихан. 591, XVIII в., сборн., лл. 1—36 об. — Посыльная грамота,
Повесть, (основной
список).
124. БАН, 19.2.14, нач. XVII в., сборн., лл. 580 об.—750 об. — Посыльная грамота,
Повесть (начало).
125. ГПБ, Титов. 1487 (107), XVIII в., отд. рукопись — Посыльная грамота,
Повесть (вариант).
126. ГПБ, Погод. 1350, к. XVII в., сборн., лл. 132—163 — Посыльная грамота,
Повесть (с пропу-
ском).

127. ГИМ, Увар. 1873 (5), к. XVII в., сборн., лл. 184 — То же.
об. — 210
128. ГИМ, Забел. 505, нач. XVIII в., сборн., лл. 35—56 об. — Повесть (с пропу-
ском).

Три последних списка весьма близки друг с другом, имеют общий протограф, восходящий к архитипу этой редакции, к которому непосредственно восходят основной список и список 124. Список 125 является вариантом этой редакции.

III. КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ

1. Первоначальный вариант

129. ГПБ, Вяз. 55, Q. XVI—XVII в., сборн., лл. 133—144 об. (основной список).
130. ГИМ, Епарх. 372/26, XVI—XVII в., сборн., лл. 119—124.
131. ГИМ, Увар. 1868 (40), 1622 г., сборн., лл. 31—33 об.
132.* ГПБ, Солов. 857 (967), XVII в., сборн., лл. 61 об.—67.
133. ГИМ, Увар. 1817 (530), XVII в., сборн., лл. 427—432.
134. ГПБ, Погод. 1558, XVII в., сборн., лл. 109 об.—112.
135. ГИМ, Барс. 1801, XVII в., сборн., лл. 27—30.
136. БиЛ, Фунд. 195, XVII в., сборн., лл. 219—227.
137. БиЛ, Унд. 593, XVII в., сборн., лл. 49—53.
138. БиЛ, Унд. 601, XVII в., сборн., лл. 31—39.
139. БиЛ, Тихонр. 378, XVII в., сборн., лл. 270—275.
140.* ГПБ, Q. XVII-77, нач. XVIII в., сборн., лл. 160—163 об.
141. ГИМ, Востряк. 1011, XVIII в., сборн., лл. 62 об.—68.

2. Основной вариант

- 142.* ГПБ, Солов. 854 (964), XVI в., сборн., лл. 261 об.—266 об. (основной список).

Первая группа

143. БиЛ, Унд. 1309, XVII в., сборн., лл. 104—110 об.
144. ГПБ, Погод. 1600, XVII—XVIII в., сборн., лл. 149—161.
145. ГИМ, Муз. 2166, к. XVII в., сборн., лл. 723 об.—798 об.
146. БиЛ, Рум. 35, XIX в., выписки из рукоп. книг, лл. 31—34 об.

Вторая группа

147. ГИМ, Синод. 141, нач. XVII в., сборн., лл. 172 об.—177.
148. ГИМ, Синод. 140, перв. пол. XVII в., сборн., лл. 134 об.—138.
149. ГИМ, Воскрес. 112, XVII в., сборн., лл. 240—245.

Третья группа

150. ГИМ, Муз. 3939, XVII в., сборн., лл. 237 об.—438 об.
151. ГИМ, Муз. 1198, XVII в., сборн., лл. 253—260 об.
152. ГИМ, Муз. 1961, XVIII в., сборн., лл. 146—153 об.

Четвертая группа

153. БиЛ, Рум. 361, XVI—XVII в., сборн., лл. 309—313.
154. ГИМ, Вахрам. 483, XVIII в., сборн., лл. 63—72.

Пятая группа

155. ГИМ, Чудов. 335, нач. XVII в., сборн., лл. 235 об.—240.
156. ГПБ, СПб. дух. акад. 270, XVII в., сборн., лл. 43—48.

Шестая группа

157. ГПБ, ОЛДП 48 (1454) F, нач. XVII в., сборн., лл. 9 об.—14.
158. БиЛ, Тихонр. 587, XVII в., сборн., лл. 82—86.

Седьмая группа

159. ГИМ, Забел. 433, нач. XVIII в., сборн., лл. 70—75 об. (дефект).
160. ГПБ, О. XVII-10, XVII в., сборн., лл. 311—320.

Восьмая группа

161. ГИМ, Увар. 1894 (848), XVII в., сборн., лл. 146—151.
162. ГИМ, Единов. 94, к. XVII в., сборн., лл. 217—221.

Девятая группа

- 163.* Петрозаводск. 336, сер. XVIII в., сборн., лл. 118—126.
164. ГПБ, Q. XVII-199, к. XVIII в., сборн., лл. 76—81.

Десятая группа

165. БАН, Д 177, к. XVI в., сборн., лл. 239—245.
166. Бил, Унд. 1071, XVII в., сборн., лл. 511 об.—515.

Индивидуальные списки

167. ГИМ, Синод. 756, XVI в., сборн., лл. 27—29.
168. ГПБ, O.XVII-60, к. XVI в., сборн., лл. 236—243.
169. ГИМ, Увар. 482, к. XVI в., сборн., лл. 312—316.
170. ГПБ, Солов. 330 (350), XVI—XVII в., сборн., лл. 422—430.
171. ГПБ, O.XVII-177, нач. XVII в., сборн., лл. 406 об.—412.
172. БАН, 21.2.18, нач. XVII в., сборн., лл. 157—161 об.
173. ГПБ, F.1-243, XVII в., сборн., лл. 321—325.
174.* ГПБ, Солов. 912, XVII в., сборн., лл. 204—209.
175. ГПБ, СПб. дух. акад. 304, XVII в., сборн., лл. 310—316.
176. ГПБ, O.1-426, XVII в., сборн., лл. 157—162 об.
177. ГПБ, Погод. 1309, XVII в., сборн., лл. 421—426 об.
178.* ГПБ, Солов. 875 (985), XVII в., сборн., лл. 211—217.
179. ГИМ, Синод. 253, 1623 г., сборн., лл. 164—167.
180. ГИМ, Синод. 451, 1634 г., Тропник, лл. 149—156.
181. ГИМ, Увар. 1880 (138), XVII в., сборн., лл. 74 об.—78.
182. ГИМ, Муз. 719, XVII в., сборн., лл. 560 об.—564.
183. ГИМ, Муз. 1615, XVII в., сборн., лл. 97 об.—100.
184. ГИМ, Увар. 1921 (1173), XVII в., сборн., лл. 80—85.
185. Бил, Троицк. 739 (1518), XVII в., обиходник, лл. 610 об.—614 об.
186.* ГПБ, Q. I-1009, XVII в., сборн., лл. 691—696.
187. ГИМ, Муз. 581, к. XVII в., сборн., лл. 57—62 об.
188. БАН, 21.4.16, к. XVII в., сборн., лл. 130—134 об.
189. Бил, Унд. 592, к. XVII в., сборн., лл. 77—87 об.
190. БАН, 33.4.9, XVII—XVIII в., сборн., лл. 257—262 об.
191. ГПБ, Погод. 1958, XVIII в. сборн., лл. 53—58 об.
192. ГИМ, Щук. 516, XVIII в., сборн., лл. 26 об.—33.
193.* ГПБ, собр. Зинченко (нешифр.), сборн. без пагинации.

Варианты

194. Бил, Унд. 614, к. XVII в., сборн., лл. 208 об.—209 об.
195. ГИМ, Востряк. 1258, нач. XVII в., сборн., лл. 137 об.—138 об.
196. ГИМ, Синод. 456, к. XVI в., сборн., лл. 206—210.

IV. КРАТЧАЙШАЯ РЕДАКЦИЯ

197. БАН, 33.9.8, XVIII в., сборн., лл. 295 об.—299 (основной текст).
198. БАН, 21.8.16, к. XVIII в., сборн., лл. 108—109 (дефект).
199.* ГПБ, Q.XVII-252, XVII—XVIII в., сборн., лл. 130 об.—131 об.
200.* ГПБ, Солов. 911 (1021), XVII в., сборн., лл. 269—270 об.
201. ГИМ, Синод. 648, XVII в., сборн., лл. 667—671.
202. ГИМ, Синод. 686, XVII в., сборн., лл. 330—333.
203. ГИМ, Муз. 1640, XVII в., сборн., лл. 22 об.—25.

Списки 197 и 198 восходят непосредственно к архетипу этой редакции; списки 199 и 200, а также списки 201 и 202 попарно восходят к общим протографам, через которые восходят к архетипу. Список 203 является переходным от кратчайшей редакции к краткой.

V. ОСОБАЯ РЕДАКЦИЯ

204. ГИМ, Забел. 495, XVII—XVIII в., сборн., лл. 68—71 об.
205. ГИМ, Забел. 508, XVIII в., сборн., лл. 68—81.

VI. ОТДЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ ПОВЕСТИ

1. Посыльная грамота

206. БиЛ, Рум. 459, XVII в., сборн., лл. 522 об.—524 об.
207. БАН, 21.2.16, XVIII в., сборн., лл. 67—73.
208.* ГПБ, собр. Зинченко, 1837 г., 2 разрозненных листа.

Последний список является наиболее индивидуальным, отличающимся значительными разночтениями, ни с одной из групп или списков не совпадающими.

2. „Видение патриарха Филофея“

209. ГПБ, Титов. 1581 (122), XVIII в., сборн., лл. 94—95 об.
210. ГИМ, Муз. 692, 1797 г., сборн., лл. 649 об.—650.

Оба эти совершенно аналогичные списка озаглавлены так: „Об истории римской. Видение Филофея, патриарха Царяграда о белом клобуке, егда явися ему царь Константин и папа Силвестр“. В них, без особых разночтений с основной группой списков первой пространной редакции, приводится первая часть видения Филофея (начинается отрывок несколько ранее — с попытки присвоения Филофеем белого клобука), с формулировкой идеи „Русь — третий Рим“ и далее до аналогии белого клобука с шапкой Мономаха (следующая за этим фраза о соотношении церковной и светской власти в этих списках отсутствует).

211. ГПБ, Погод. 1340, к. XVII в., сборн., лл. 431—433 об.

В этом списке, озаглавленном „Выписано изыстории о белом клобуке, о явлении царя Константина и о патриархе Филофее“, приводится отрывок, аналогичный двум предыдущим, но начинающийся непосредственно с видения Филофея. Кончается этот список дальше двух предыдущих, и в нем пророчество о Русской земле приведено почти до конца (нет только фразы о патриаршестве и заключительной фразы: „и страна та наречетца светлая Россия...“), но с большим пропуском в середине.

212. БиЛ, Муз. 268, XIX в., отд. рукопись, лл. 17 об.—18 об.

Вся эта рукопись озаглавлена „Хождение Арсения Суханова“. В ней под заглавием „Выписано из истории о Силвестре папе и о царе Константине и о белом клобуке“ помещается отрывок Повести о новгородском белом клобуке, приводящий видение Филофея до конца, с некоторыми разночтениями и пропусками отдельных слов, а также вставками от себя, акцентирующими тот или иной момент повествования. Например: „Слышите к тому и разумеите“, „и паки к тому прирече“, а после фразы о русском царе, о том, что его „возвеличит господь над многими языки“, добавлено: „яко же и бысть“. Заканчивается этот отрывок также своеобразной религиозной сентенцией с ссылкой на Евангелие. Эти вставки усиливают устно-поэтический стиль этого отрывка, что естественно, так как он включен в текст спора Арсения Суханова с греками.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Написание архиепископа Геннадия

Основной текст приводится по рукописи конца XVII в., (БАН, 21.8.7., лл. 151 об.—155 об.; см. Приложение I, список 10); разночтения даны по следующим спискам:¹

¹ После порядкового номера каждого списка в скобках дан его номер по Приложению I.

- 1 (119). ГИМ, Муз. 3610, нач. XVII в. (в разночтениях обозначается *А*).
 2 (43). ГПБ, Q.1-254, сер. XVII в. (в разночтениях обозначается *Б*).
 3 (4). ГПБ, Солов. 865 (965), нач. XVII в. (в разночтениях обозначается *В*).
 4 (13). ГИМ, Увар. 619 (1931) (448), нач. XVIII в. (в разночтениях обозначается *Г*).
 5 (46). ГПБ, Мих. 261, Q, к. XVI—XVII в. (в разночтениях обозначается *Д*).
 6 (53). ГИМ, Забел. 467, к. XVII в. (в разночтениях обозначается *Е*).
 7 (78). ГИМ, Востряк. 1163, к. XVIII в. (в разночтениях обозначается *Ж*).
 8 (80). ГИМ, Муз. 2850, к. XVIII в. (в разночтениях обозначается *З*).
 9 (75). ГПБ, Волк. 88, нач. XVIII в. (в разночтениях обозначается *И*).
 10 (83). ГИМ, Востряк. 206, сер. XVIII в. (в разночтениях обозначается *К*).
 11 (121). ГИМ, Муз. 2909, 1806 г. (в разночтениях обозначается *Л*).
 12 (114). ГПБ, Волк. 116, 1894 г. (в разночтениях обозначается *М*).

1 НАПИСАНИЕ АРХИЕПИСКОПА ГЕНАДИЯ²

Сия же написания³ аз⁴ архиепископ Генадие известно уведав и зело возрадовахся⁵ великою радостию,⁶ яко сподобихся при своем мне⁷ пер-вострольстве⁸ великаго архиерейства⁹ извещение прияти о святом белам клобуке, где сотворен¹⁰ бысть и како прииде в великий Новград.¹¹ Прочая же изысках малая некая о том же белам клобуке в соборней церкви. И сия разстоящая¹² многая и различная аки¹³ на поле чисте многия¹⁴ цветы во един собрав своими написании,¹⁵ добре уяснив¹⁶ и соборней церкви предав на уверение¹⁷ православным.

Димитрие же он Толмач в Риме и во Флоренцы граде бе два лета, неких ради нужных взысканиих.¹⁸ Егда же прииде оттуду, аз же смиренный Генадие архиепископ даровах ему имения многа и одежами¹⁹ и пищаи удовлах.

²⁰От сего²¹ же времени благочестия любитель святейший Генадие архиепископ²² устав сидев предаде соборней церкви. Егда²³ же хотяше служити божественную литоргию и вшед в церковь, клобук со главы своя сняв, положаше его²⁴ раме своей.²⁵ И входя во олтарь и по целовании святых икон, пришед ста на месте в церкви идеже облачашеся во святительский сан. Хотяй же с ним служити поп приношаше пред него блюдо сребрено позлащено. Архиепископ же клобук с²⁶ раму своєю²⁷ сняв и положаше его на блюде оном. Поп²⁸ же отшед,²⁹ поклонився³⁰ архиепископу³¹ благочинно и блюдо оно³² клобуком поставляше³³ во олтаре³⁴ на нарочите месте близ святых трапезы³⁵ до отпущения божественныя литоргия. По совершении же святых службы протопоп или честнейший игумен, служа со архиепископом,³⁶ во всем чину взимае³⁷ с места³⁸ блюдо оно, на нем же святой клобук лежаше, и³⁹ приношаше⁴⁰ ко архиепископу.⁴¹ Архиепископ же⁴² взимае⁴³

1—2 *АК нет.* 2—3 *Е нет.* 4 *БВГ нет.* 5—6 *Л* о сем. 7 *А нет.* 8 *БК* святительстве. 8—9 *К нет.* 10 *Конец списков Б, Д и К.* 11—22 *Л нет.* 12 *А* растуще. 13—14 *Г нет.* 15—16 *Г* добродревних. 17 *З* утверждение. 18 *А* потреб. 19 *В* одержащими. 20—21 *ИЖЗ* всего же. 23 *В нет.* 24—25 *А* место свое. 26—27 *А* главы своя. 28 *А* Он. 29 *Л нет.* 30 *А* поклоняется. 31—32 *Л* и вшед во олтарь. 33—34 *Л нет.* 35 *М доб.* и тамо стояше. 36—39 *А* и паки. 37—38 *Ж* ему. 40—41 *Л нет.* 42—45 *Л нет.* 43 *Ж нет.* 43—44 *ГМ* с

блюдо и ⁴⁴ святой ⁴⁵ клобук положаше его ⁴⁶ на свою главу и отхождаше во своя. Тако же и в келии своей ⁴⁷ святой он клобук ⁴⁸ положаше на блюде честне.⁴⁹

На ⁵⁰ честные же и великия праздники господа нашего Исуса Христа ⁵¹ и пречистыя богородицы, паче же на цветоносный день, Генадие архиепископ, егда шествие творяше на жребяти и ⁵² осли к церкви святого Иерусалима,⁵³ юже созда боголюбивый Василие архиепископ и того дни в дому ⁵⁴ святыя Софеи премудрости божии в велицей полате трапезу поставляя и князей и бояр питая и нарочитых православных ⁵⁵ великаго Новаграда, такоже и священный чин добре учрежая многими брашны. По скончании же честнаго оногo торжественнаго пиршества и по раздаянии ⁵⁶ хлеба пречистыя богородицы ⁵⁷ святейший Генадие архиепископ повелевая молчанию быти ⁵⁸ всем в полате сущим ⁵⁹ и о святем белом клобуке написания ⁶⁰ повесть веляше чести велегласно добре умеющему причетнику. И вси в сладость послушаху чтомаго и чудесам божиим дивящеся ⁶¹ и святой белый клобук благодаряху.⁶² По чтении ⁶³ же священники ⁶⁴ и дьяки певчии ⁶⁵ и подьяки державному государю и великому князю пояху многолетие,⁶⁶ потом же архиепископу. И тогда святейший Генадие благословение дая комуждо, такоже и клобук целоваху его. И чашу ⁶⁷ пречистыя богородица ⁶⁸ раздая своими руками всем православным ⁶⁹ и удовляя всеми.⁷⁰ И потом отхождаше во своя предидущим ему подьякам во священных одеждах со свещами и пение празднику поюще провожающе ⁷¹ его честно.⁷² Генадие же архиепископ учрежая их доволно. И сия убо о сих до zde.

блюда. ⁴⁵ Ж доб. белый. ⁴⁶ Л клобук. ^{46—48} Л нет. ⁴⁹ Конец списков ЕИЖ. ^{50—51} Л на владычние праздники. ⁵² АММ нет. ^{53—54} Л иже есть. ⁵⁵ Л нет. ^{56—57} Л святого антидора. ^{58—59} АВЛ от всех в полате сущих. ⁶⁰ Л написанную; М нет. ^{61—62} Л нет. ⁶² Г доб. бога. ⁶³ Ж утрени. ^{64—65} Г и дьяконы. ⁶⁶ А многолетно. ^{67—68} А заздравную. ^{69—70} А нет. ⁷¹ ИЖЗ провождают. ⁷² Конец списка Л; М доб. и о сих до zde. Конец списка М; А доб. и сия о святем клобуке до zde. Конец списка А.